

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОРБИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Черенов

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ГОРБИ. КНИГА ПЕРВАЯ**

«Издательские решения»

Черенов А.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОРБИ. КНИГА ПЕРВАЯ / А. Черенов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516821-4

11 марта 1985 года в зале заседаний Политбюро министр иностранных дел СССР Андрей Громыко неожиданно предложил на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Михаила Горбачёва. А что, если бы его голос оказался «гласом вопиющего в пустыне»? Этот роман — о борьбе за власть, об исторической альтернативе Горбачёву, о том, чего могло не быть и что могло быть взамен. На пути Горбачёва к власти — и измене — стояли его противники во главе с Григорием Романовым. Интересная получалась история...

ISBN 978-5-00-516821-4

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвёртая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	38
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГОРБИ КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-6821-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6822-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

На трибуне Мавзолея было тесно и холодно. Четвёртый справа от докладчика уже собрался поёжиться, но покосился на соседей, и передумал: несолидно – и пища для разговоров. «Наверху» нет мелочей. Особенно для четвёртого даже не слева – справа. И, потом, он был человеком закалённым, «почти спортсменом». А ещё, даже будучи «номером четыре», он не привык работать «вторым номером». Ведь соседи уже дружно шумели носами и, пусть и не в «два притопа, три прихлопа», активно переминались с ноги на ногу. И не без причин: несмотря на обещанные семь градусов тепла, здесь, на трибуне Мавзолея Ленина, эта цифра присутствовала только в контексте «семи ветров». А всё – коварство ноября! Не меньшим основанием было и то, что «шумели и переминались» старички. Старички жизни не только политической, но и обыкновенной, человеческой.

Григорий Васильевич Романов был исключением из общего правила – и «дружных рядов». Одним из двух исключений. По относительной молодости среди членов и кандидатов в члены он занимал почётное второе место, хотя ничего не имел и против первого. И не посредством «впадения в детство» либо использования рецепта Конька-Горбунка – а в результате более прозаического исчезновения с политического горизонта «номера один». Кроме того, его дружба, если не со спортом, то со здоровым образом жизни, была широко известна в узких кругах Политбюро. Вот и стоял он на трибуне монументом – пусть и не центральным сегодня. Эту роль тремя днями ранее получил – по праву... должности – «свежеизбранный» Генеральный секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов. Заодно с правами Генсек получил и обязанность «докладывать» с непокрытой головой – но какой холод не вынесешь ради «тёплого», пусть и не сейчас, места!

Остальные товарищи были лишены права обнажать голову, но не лишены удовольствия не делать этого. Поэтому Романов с чувством глубокого удовлетворения ощущал на голове приятную тяжесть меховой шапки-ушанки. Он, конечно, предпочёл бы «облачиться» в более привычный каракулевый «пирожок» – если бы не один «нехороший человек» по левую руку от докладчика. Фамилия ему была Горбачёв – и это он нахально посягнул, если не на «авторские права» – те законно принадлежали Михаилу Андреевичу Сулову – так на установленный порядок вещей. Посягнул, даже не посчитавшись с тем, что стаж Романова в Политбюро – на пять лет больше!

Именно по этой причине Григорий Васильевич и облачился в шапку-ушанку. Но зато в такую, с какой по размерам не могла соперничать шапка ни одного человека на этой трибуне! Первенство в этой области дополнительно подчёркивалось и «малым форматом носителя». Самокритично, но с чувством законной досады, Романов вынужден был «сознаться» в том, что из всех обитателей этой трибуны он больше других не добирал сантиметров. Правда, это обстоятельство не давало ему шанса скрыться от «бдительного ока товарищей по партии». Тем более что Григорий Васильевич и не пытался скрываться: характер и амбиции не позволяли.

Романов, хоть и был завсегдаем трибунных мероприятий, «рядовым постояльцем» не считался. Он был «особой, приближённой» – хоть и на значительном удалении. И то, и другое – в силу наличного потенциала и нескрываемых претензий. Именно поэтому – даже здесь и в такой час – товарищи не забывали его своим вниманием. Они дружно подпирали – вернее, теснили – его плечами на том месте, которое соответствовало его партийной иерархии на текущий момент.

Незримо для товарищей Григорий Васильевич стряхнул с себя «мысли по поводу» – и «включил звук». Генсек прочувствованно – а также болезненно – дрожал голосом, перечисляя мнимые и подлинные заслуги покойного. Покойным сегодня был ещё вчерашний – точнее,

поза-поза-позавчерашний – Генсек Леонид Ильич Брежнев. Восемнадцать лет он сам попирал ногами центр этой трибуны вначале Первым, а потом и Генеральным секретарём.

Восемнадцать лет – не один день. Поэтому многие понимали, что сегодня вместе с Генсеком хоронят целую эпоху. Но лишь немногие понимали, что сегодня хоронят и несбывшиеся мечты. В число «наиболее понятливых» входил и Романов. Только, в отличие от других обладателей несбывшихся мечтаний, он сегодня погребал исключительно Леонида Ильича. Мечты его были сродни надеждам и капитану, покидающему судно последним. Потому что «всему своё время» – и в этом атеист Романов целиком поддерживал Екклесиаста.

На трибуне – как в бою: нельзя терять бдительность. Поэтому Романов старательно не косил глазами влево – туда, где стоял Горбачёв. Григорий Васильевич не хотел доставлять удовольствия Михаилу Сергеевичу. Хотя в этой старательности и не было необходимости.

Каждый завсегдатай не хуже «Отче наш» – или «Вставай, проклятьем заклеймённый...» – знал своё место. Это касалось и места в партийной иерархии, и места в широком смысле: «знай своё место!». В Политбюро – как в боярской Думе: попробуй только «сесть не по чину»! Именно по занимаемому месту на трибуне Мавзолея, по очерёдности «восхождения», и «по левой и правой руке от центра», человек со стороны получал безошибочное представление о месте каждого «небожителя» «под политическим солнцем».

Поэтому на трибуне Мавзолея Григорий Васильевич стоял по правую руку от Генсека «следующим номером» за Устиновым, Щербицким и Кунаевым. А «донельзя обожаемый» Горбачёв стоял по левую руку от новоизбранного вождя, «в очередь» за Тихоновым, Черненко, Громыко и Гришиным. Показательным был только «номер» после Гришина: это означало, что Михаилу Сергеевичу ещё не удалось обойти Виктора Васильевича «на политическом вираже».

Иерархия свято блюлась не только на трибуне Мавзолея и других «присутственных местах». Даже в Колонном зале Дома Союзов, у гроба вождя, нельзя было встать, «абы как». Правда, лёгкое отклонение от ранжира имело место быть. Так, двенадцатого ноября участники внеочередного Пленума ЦК дружно навестили Колонный зал, чтобы, так сказать, «отдать» и «почтить». Члены и кандидаты в члены «по Уставу» образовали почётный караул. Может, именно в силу «формата ранжира» Григорий Васильевич и оказался чуть ближе к Андропову. Правда, как и сегодня, пятнадцатого ноября, на трибуне Мавзолея, в том почётном карауле он тоже стоял по правую руку от Юрия Владимировича, только что произведённого в Генсеки. Стоял между членом Политбюро Громыко и кандидатом в члены Пономарёвым.

Но «разлюбезный» Горбачёв и здесь обскакал Григория Васильевича: встал не просто по левую руку от Андропова, но и сразу же вслед за ним! По сути – «примыкал» и даже «отирался»! Это был знак – и если свыше, то с такой вышины, выше которой и не бывает: от самих Юрия Владимировича! Конечно, даже Генсек не мог переставить всех по своему усмотрению, ибо, как сказал классик: «Скоро только кошки родятся!». Надо было не только принимать, но и блюсти правила игры. Но дать знак – в виде отдельного исключения из правила – Генсек мог.

И он его, таки, дал! И не один! Четырнадцатого ноября, накануне дня похорон «верного продолжателя дела Ленина» и «крупнейшего политического деятеля современности», группа товарищей от Политбюро ещё раз навестила Леонида Ильича в Колонном зале Дома Союзов. Почему «группа»? Да, хотя бы потому, что Романова «забыли пригласить»! На этот раз «товарищи» пришли «тесной компашкой»: Андропов, Горбачёв, Гришин, Громыко, Тихонов, Устинов, Черненко, Долгих, Киселёв, Пономарёв, Соломенцев, Зимянин, Русаков, Капитонов.

Можно было, конечно, «в оправдание» сослаться на то, что пришли только «жители столицы», без участия «иногородних». Как москвичи – к москвичу. Формально – да: не было ни Щербицкого от Украины, ни Кунаева от Казахстана, ни Рашидова от Узбекистана, ни Шеварднадзе от Грузии, ни Романова от Ленинграда. Но ведь был Киселёв от Белоруссии! Были даже люди, не входящие в состав Политбюро: Зимянин, Русаков, Капитонов! А, вот, членов Полит-

бюро – Кунаева, Романова и Щербицкого – не было! Как не было и кандидатов в члены: Рашидова и Шеварднадзе!

Да, в этот день Романова отрядили на приём многочисленных гостей траурного мероприятия. Весьма показательно, что некоторые из самых высокопоставленных хотели переговорить именно с Романовым. Именно так: если не с самим Андроповым – то тогда «с самим» Романовым! Но ведь можно было и совместить: дать Романову возможность «заглянуть на минутку»! Так, ведь, нет: не дали! Как следствие, этот «междусобойчик» «наводил» и «заставлял».

Но и это было не самым печальным обстоятельством в эти печальные дни. Больше всего огорчал «партайгеноссе» Михаил Сергеевич: опять «затесался» и «внедрился». Опять он стоял локоть к локтю с новым Генсеком. На этот раз – даже впереди Гришина и Громыко. И только ли в приверженности алфавиту было дело? Не в наглядном ли – и столь же навязчивом – протезировании заключалось оно? Не «репетировали» ли Юрий Владимирович и Михаил Сергеевич роли из песенки времён Иосифа Виссарионовича: «А как первый сокол со вторым прощался...»?

Не примеривал ли Андропов «крылья второго сокола» к Горбачёву? Заключительный акт траурного мероприятия как будто не давал серьёзных поводов для серьёзных выводов. Хотя руки Григория Васильевича и не удостоили чести приложиться к гробу товарища – пусть даже в формате мухи, которая «и мы пахали» – но ведь и Горбачёв отсутствовал со своим плечом! К подлинным «грузчикам» пристроились – как и полагается, кончиками пальцев – лишь те, кому это полагалось не только по кончикам пальцев, но и по чину! А именно: первый ряд: Тихонов – Андропов, второй ряд: Устинов – Черненко, третий ряд: Гришин – Громыко. У гроба – точнее, под ним – субординацию полагалось блюсти так же, как и во всех остальных «присутственных местах»! И неважно, что этот коллектив «доходящих» псевдоносильщиков вызывал в памяти у широких масс трудящихся не только образ мухи, но и анекдот на тему Владимира Ильича и его «надувного бревна»!

Поэтому, по давно заведённому ритуалу возвратившись на трибуну, все снова построились не в алфавитном порядке. Речей больше не предполагалось – и пока войны Московского гарнизона отдавали дань уважения почившему лидеру, Григорий Васильевич тоже решил помянуть усопшего. Даже не помянуть – это ещё предстояло: вспомнить. Не по причине избытка сантиментов: исключительно в контексте «О прошлом – ради будущего». И будущего не отдалённого: самого ближайшего. Фактически: настоящего в краткосрочной перспективе.

Не отдать должное Леониду Ильичу Романов не мог. Это было бы проявлением неблагодарности и необъективности. Ведь именно Брежнев «спонсировал» восхождение Григория Васильевича на политический Олимп. Правда – опять же в силу объективности – следовало признать, что «гладко было на бумаге».

На тот момент второй секретарь Ленинградского обкома, Романов, конечно же, был известен Леониду Ильичу. Ведь, если чем и был силён Генеральный секретарь ЦК – так это склонностью к работе с кадрами. И не просто склонностью: талантом. Обычно Брежнев в точности соответствовал установке баснописца Крылова: «Навозну кучу разгребая, петух жемчужину нашёл». Генсек умел искать и находить. В кадровых вопросах никто лучше него не умел отделять зёрна от плевел. Критерии зачисления в зёрна и плевела – это другой вопрос. Хотя вряд ли Брежнев так уж сильно отличался в подходе к кадрам от любого руководителя классического типа: брать умных и работающих – но не амбициозных. Последнее качество подлежало удалению на манер аппендикса. Но если оно подлежало удалению вместе с обладателем – Леонид Ильич «брался за скальпель», не задумываясь!

Возможно, именно в силу «избыточных достоинств» Григорий Васильевич поначалу «не показался» Леониду Ильичу. Что-то в нём напоминало Генсеку «ленинградский коктейль» из Жданова, Кузнецова, Капустина и Попкова времён сороковых. Этот «коктейль» был скорее не для внутреннего употребления, а для наружного – типа «коктейля Молотова», как на Западе

величали зажигательную смесь КС-1, представлявшую собой раствор белого фосфора в угле-роде. По эффективности и взрывоопасности оба «коктейля» стояли друг друга.

И когда пришёл конец «первосекретарству» Толстикова, Леонид Ильич уже почти склонился к кандидатуре Попова – тогдашнего первого секретаря Ленинградского горкома. Такое решение было не вполне в духе номенклатуры и где-то не по-джентльменски – но этот кандидат показался Брежневу более покладистым и предсказуемым, чем тот, кого полагалось выдвинуть по закону номенклатуры. И так бы и «засыхал» Григорий Васильевич в «вечно вторых», если бы не заступничество бюро обкома и не поддержка «из логова Кремля». За Романова неожиданно вступились «авторитеты Политбюро» Косыгин и Суслов.

Хотя – почему «неожиданно»? Обоих кандидатура Романова устраивала «более чем» – пусть и с разных позиций. Косыгин, например, знал Романова как отменного руководителя промышленности и человека, способного решить вопросы, не решённые и даже не решавшиеся прежним руководством. Суслов же увидел в Романове близкого по духу консерватора, с которым можно пойти не только в разведку, но и в поход на мировой капитализм. Парадокс: Суслов и Косыгин, не терпевшие друг друга, и активно не сходящиеся ни в чём, неожиданно сошлись во взглядах на кандидатуру Романова! Сошлись во взглядах, не сходя с них! Как минимум – не изменяя себе.

Леониду Ильичу это совпадение показалось забавным, хотя и наводящим на размышления – и он уступил. Так Романов стал первым секретарём Ленинградского обкома. Но Григорий Васильевич был недостаточно глуп для того, чтобы полагать своё назначение результатом одного лишь совпадения во взглядах. Потому что в политике так не бывает. То есть, не бывает чудес: все «чудеса» – вполне земного происхождения, рукотворные.

И он был прав. Как и всякого политика, Григория Васильевича избирали не столько по заслугам и не столько для работы во благо города на Неве, сколько для работы «подко-вёрного характера». Нет, самостоятельной роли при этом ему не отводилось. Но его качества и потенциал учитывались в формате «гирь и разновесков», которые можно было в решающий момент бросить на весы судьбы – она же борьба за власть.

Леонид Ильич немедленно уловил телодвижения – не столько Романова, сколько вокруг него. В хитросплетениях кадровых вопросов, прямо или косвенно затрагивающих личную власть, Брежнев разбирался не хуже, чем паук – в «ткацком деле» и его целевом назначении. Результатом наблюдений и прочих агентурных мероприятий явилась его поездка в Ленинград уже через несколько месяцев «от восшествия» Романова. Леонид Ильич не слишком жаловал это творение однофамильца Григория Васильевича, редко баловал его своим вниманием – и неожиданный визит семьдесят первого года подтвердил это: он оказался последним в истории их взаимоотношений.

Вспоминая то время, Григорий Васильевич и сейчас ощущал ненормативное сердцебиение: Леонид Ильич и не думал скрывать от него своих подозрений. Конечно, такой матёрый политический волк, как Брежнев, не мог руководствоваться в своих поступках одними лишь предположениями – тем паче, страхами. И он действительно руководствовался исключительно материальными основаниями: точными сведениями и объективным анализом. Леонид Ильич мог обойти вниманием проблемы страны и народа – но только не «соседей по Олимпу»! «Никто не забыт – и ничто не забыто!». Генсек лишь «наполнил молодым вином старые мехи» – и удивительное дело: «не пролилось»!

Именно поэтому Брежнев пришёл к заключению о том, что Романова «используют втёмную». Не составляли для него тайны и «реквизиты пользователей». Было ясно, как Божий день, что, выдвигая Романова, Косыгин, Суслов, Устинов, Кириленко, Мазуров и некоторые секретари ЦК добивались укрепления собственных позиций. А всё потому, что их начинали уже теснить другие личные друзья Брежнева – прежде всего, Черненко и Тихонов.

«Divide et impera!»: «разделяй и властвуй!». Брежнев понимал латынь – как и все прочие языки – только через перевозчика, но это не мешало ему понимать древних римлян, сформулировавших закон, современный для властителей любых времён. В этом контексте – как и во всех прочих – Леонид Ильич мог лишь приветствовать «зачисление в кремлёвскую банку» очередной группы «товарищей пауков».

И использование ими Романова для уедания друг друга он полагал делом нужным и хорошим. Такой расклад вполне устраивал Генерального секретаря – лишь бы Романов не оказался с непредсказуемыми челюстями и аппетитом, чтобы Брежневу, не дай Бог, самому не превратиться в «закусочного паука»!

К чести Романова, тот не стал расстраивать высокого гостя лязганьем челюстей. Более того: он продемонстрировал ему не клыки, а вполне «травоядные» зубы. В переводе на «кремлёвский язык» это означало, что Романов не связывает себя ни с одной из противоборствующих на Олимпе группировок. С учётом «лингвистического партминимума» Леонида Ильича, Григорий Васильевич не ограничился «иноязычным» заявлением – и сделал перевод. Проще говоря: выдал прямым текстом – и даже «по-русски».

Этого оказалось достаточно для того, чтобы Леонид Ильич успокоился – и даже принял решение об оказании протекции. «Ленинградский синдром» на время уступил место трезвому разумению и реалиям кремлёвско-паучье-баночного бытия. Такой «уравновешивающий фактор» оказался весьма полезен Генсеку – и противоборствующие «товарищи по партии» не могли не учитывать этого обстоятельства. На время им пришлось «уйти в подполье» и превратить свои замыслы в «консервы длительного хранения».

За это время Григорий Васильевич дорос до кандидата в члены в Политбюро. С учётом складывающейся – руками Леонида Ильича – обстановки в ЦК, его полноценное членство стало лишь делом времени. И вот этого товарищи не могли ни вынести, ни позволить: первое относилось к ним самим, второе – к Романову. Нет, вынести, конечно, они могли – и даже хотели. Но только не «этого» – а этого Романова! И желательно – «ногами вперёд»! С их точки зрения, Григорий Васильевич стал вести себя не по правилам: вместо нормальных «крепёжных» работ под собственным стулом он начал созидать! И, ладно бы – личное благосостояние: нормальную жизнь нормальных ленинградских жителей! В представлении старожилы Политбюро: выделяться на фоне – и даже выпендриваться! Сие было недопустимо – и товарищи решили не допустить!

А тут ещё достоянием широких кругов узкой общественности – в лице Политбюро и даже ЦК – стал факт биографии Романова из недавних времён. И хотя, как оказалось впоследствии, факт был не столько из биографии Романова, сколько из биографии Косыгина, да и недавние времена имели уже двухлетний стаж, «товарищи члены» решили не пускать это дело на самотёк. Иначе говоря: проявили «товарищескую принципиальность». Как «неожиданно» выяснилось – из итальянских газет двухлетней давности – премьер Косыгин в семьдесят втором году, в беседе со своим итальянским коллегой Джулио Андреотти, отработал «чуть-чуть Нострадамусом». Алексей Николаевич предрёк, что в ближайшее время главной фигурой в Кремле станет Романов.

Факт возмутительного пророчества был немедленно доведён до ушей Леонида Ильича. Но уши почему-то вяло прореагировали на этот вопиющий факт покушения – и даже поползновения. Генсек не только не принял незамедлительных мер, но даже не возмутился «антипартийными» намёками и где-то даже выпячиванием. Товарищам снова пришлось взять дело в свои руки. Этими руками оказались руки товарищей Гришина и Громыко – наибольших «симпатизантов» Романова в Политбюро. К рукам прилагались и языки соответствующей длины и заточки.

«Злопыхатели» – они же доброжелатели Романова – говорили потом, что к семьдесят четвёртому году и внутри, и вне СССР появились силы, заинтересованные в компрометации

Романова. Но товарищи Гришин и Громыко оценивали свой поступок иначе: не компроматация – а открытие глаз Леонида Ильича на истинное лицо «теоретически возможного диктатора» Романова. Удивительным образом позиция «невозможно принципиальных товарищей» с Востока совпала с позицией «абсолютно беспринципных господ» с Запада. Там увидели, что Романов добивается возмутительных успехов в деле развития военно-промышленного комплекса – и уже не одного Ленинграда, а всей страны! Стерпеть такое посягательство на законный приоритет «западной демократии» было невозможно – и, даже не сговариваясь, «Запад» вступил в сговор с «Востоком»! Вот и говори после этого, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись!».

Повод для «разоблачения» Григория Васильевича не заставил себя долго ждать. Правда, он немножко «хромал», поскольку не касался напрямую ни партии, ни Леонида Ильича, ни «товарищей разоблачителей». Но ведь «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!». В смысле: «лес рубят – щепки летят!». И «товарищи» принялись «рубить» в надежде на то, что им удастся «срубить по-лёгкому», а «щепки» полетят в нужную сторону.

Как говорил персонаж одной из интермедий Райкина: «Один запьёт – другой подхватит!». Гришин с Громыко «чиркнули спичкой» – а Запад не дал затухнуть огоньку! Товарищи члены Политбюро запустили в оборот – а господа «другие члены» подхватили и разнесли по городам и весям байку о том, что в текущем, одна тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году от Рождества Христова, ленинградский диктатор Романов «выдал трижды»: «номер», замуж вторую дочь, и гостям – сервиз из Эрмитажа! Сервиз, разумеется, «по старинной русской традиции» – по пьяной лавочке – разбили до последнего блюда! Да и свадьбу «диктатор» справил не на секретарской госдаче «Левашово», где до него жили все первые секретари, начиная со Жданова, а в Таврическом дворце! А что: гулять – так гулять! Как говорится, один раз живём... за государственный счёт!

Разумеется, западная пресса дружно встала на защиту... советской морали. Григорий Васильевич, как правоверный большевик, вражеские радиоголоса не слушал – а то бы он узнал о себе много нового и интересного. И напрасно директор Эрмитажа академик Пиотровский заступался за Романова с балансом в руках! Не для того «товарищи» и «господа» поднимали» этот вопрос, чтобы его так беспардонно опустил какой-то, там, понимаешь, академик!

Не знал Григорий Васильевич и того, что Председатель КГБ Андропов распорядился сделать для него распечатку всех этих «радиоперехватов». Распечатка была сделана – но как оказалось, не совсем для Андропова. Точнее, совсем не для него – а для Леонида Ильича, которого Юрий Владимирович услужливо ознакомил с последними новостями из «аморальной жизни «питерского владыки». Все знакомцы Романова сделали из этой информации «фигуру умолчания»: одни – из чувства такта, другие – из политической целесообразности. Последние решили воспользоваться творческим опытом Владимира Ильича, который до поры до времени приберегал Иосифа Виссарионовича для освежения из более ёмкого ведра помоев.

А всему виной – пренебрежение «глотком свободы» из-за кордона, пусть даже от этого «глотка» «несёт» за версту и более. Григорию Васильевичу переступить бы через себя – не дожидаясь, пока через него переступят другие – и настроиться на волну «освежающих помоев»! Глядишь – и не пришлось бы дожидаться «счастливого» – читай: несчастного – случая, когда тайное стало явным! В таком деле потеря инициативы на один день – гандикап для противника, а, уж на несколько лет – и вовсе «полный абзац»!

Так оно и вышло: о самом себе – пусть и в контексте чужих замыслов – Романов узнал лишь после Двадцать пятого съезда. Что послужило тому причиной – трудно сказать. Возможно, причин было несколько. Например, более широкий доступ к информации – в том числе, и о самом себе. Ведь именно после съезда, точнее, пятого марта тысяча девятьсот семьдесят шестого года, на первом послесъездовском Пленуме свежейизбранного ЦК, Романов и был

утверждён полноправным членом Политбюро. Выражаясь языком спортивных комментаторов: «перешёл в высшую лигу».

Как бы там ни было, так или иначе – а Романов узнал о себе немало пикантного. Разумеется, он сразу же – к Андропову. А к кому ещё?! Ведь именно в кабинет шефа КГБ стекалась вся грязь – она же правда и неправда – о друзьях-товарищах. Ну, так, как это и положено в любом нормальном государстве «диктатуры трудящихся» – в лице их отдельных представителей. Вопрос к Андропову был у Романова один-единственный: «Прошу прощения!» – в смысле: «Что это за свинство такое?!». (Так вопрос передавался уже в редакции Юрия Владимировича: Григорий Васильевич, хоть и не был сторонником «русского разговорного», для такого случая сделал исключение).

– Да брось ты, Григорий Васильевич! – пренебрежительно махнул тогда рукой Юрий Владимирович. В душе, конечно, он проклинал информатора и обещал не оставить его своим вниманием. – Мало ли, что там брешут! Забудь!

Обращение на «ты» отнюдь не свидетельствовало о дружеском расположении Андропова: он «тыкал» всем – кроме Леонида Ильича. Да и не он один: все члены и кандидаты в члены дружно составляли ему компанию. Разве что, Косыгин с Сусловым выпадали из тесных рядов. Ну, да им простительно: «тлетворное влияние сталинизма». Ну, а «все минус два» не видели в этом «тыканы» ничего зазорного: все ведь – товарищи по партии! С одним небольшим уточнением: для этого мало быть просто товарищем – и даже товарищем членом. Следовало быть ещё и товарищем членом Политбюро! Так что, не все товарищи могли претендовать на «тык по-товарищески», но помечтать о товарищеской фамиллярности не возбранялось никому. И неважно, что шанс стать не просто товарищем по партии, а товарищем... товарищу члену Политбюро, был, скорее, теоретический – и даже призрачный: никого ведь не лишали этого шанса... теоретически.

Романов не считал нужным выделяться из массы... членов Политбюро, и примыкать к «несознательным» Косыгину и Суслову. Поэтому он решительно поддержал заявленный формат.

– Ну, так и дай опровержение, Юрий Владимирович! Дай хотя бы маленькую заметку в «Известиях» под рубрикой «Из Комитета государственной безопасности»!

– «Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой!» – не стал вносить разнообразие в жестикуляцию Андропов. – К чему ворошить старое?! Только на руку империалистам играть! Работай спокойно... если ты ни в чём не виноват.

И пауза между частями заключительного предложения, и факт отказа, и редакция были явно недвусмысленными. Как говорится: «sapienti sat»: «умному – достаточно». Романов как раз и был таким «умным», которому «достаточно». Он сразу же понял, что Андропов не откажется от крючка, на который, как тот, вероятно, полагал, ему удалось подцепить опасного конкурента в борьбе за власть. Григорий Васильевич уже не сомневался в том, что в нужный момент Юрий Владимирович решительно наплюёт на установку «кто старое помянет – тому глаз вон!». Тюк с грязным бельём, доведённый до нужной кондиции в КГБ, будет вывален под нос обывателю, в том числе, и партийному.

Пришлось Романову идти к Суслову. Михаил Андреевич, откровенно симпатизирующий условно консервативным взглядам Романова, немедленно попросил аудиенции у хозяина Советской страны. Нет, не у народа: у его «законного представителя» в лице Генсека Брежнева. Леонид Ильич, в целом довольный развитием ситуации: ещё один конкурент «обмазан» – повторил доводы Андропова, а от себя добавил, что «на каждый чих из-за рубежа не наздравствуешься!». Григорий Васильевич получил заверения «в нашем искреннем к Вам уважении» – с чем и был выпровожен из кабинета вождя на пару с заступником.

После такого «компромэ» Леонид Ильич мог больше не опасаться молодого – семнадцать лет минус! – перспективного конкурента. Потому что перспективным конкурент был

уже в прошлом. Да и как конкурент – там же! Правда, на всякий случай Генсек ещё пару раз подстраховался. Первый раз с – Герексом, Первым секретарём ЦК ПОРП. Второй – с Валери Жискара д'Эстеном, президентом Франции. Обоим он подкинул одну и ту же дезу: «Наиболее подходящая кандидатура на пост Генсека – Романов».

Отчего Леонид Ильич так поступил? Оттого, что он свято исповедовал установку в духе партийного товарищества: «Падающего подтолкни!». Лозунг – из того же ряда, что и «Хороший индеец – это мёртвый индеец!», а также «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?». Особенно удачным был ход с президентом Франции: Андропов вовремя снабдил Генсека информацией о том, что президент – член мондиалистской «Трёхсторонней комиссии» Рокфеллера («мировое правительство»). А это значило, что распространению «дезы» на весь белый свет давался «свет зелёный»!

Своими односторонними подходами к приоритету интересов СССР над так называемыми «общечеловеческими ценностями», как то: одностороннее разоружение, признание за США прав сюзерена, послушное следование в фарватере Вашингтона, отказ от неуместного суверенитета во внешней политике («имперских амбиций» в редакции Белого дома), Романов представлял угрозу миролюбиво-воинствующему Западу. И этот Запад готов был сделать всё возможное и невозможное для того, чтобы не пустить Романова на трон – даром, что тот – Романов!

Таким образом, коммунист Брежнев устранял товарища по партии руками классового врага. Почти – по Ленину: использование противоречий, если не между империалистическими странами – так между империализмом и социализмом. И неважно, что – в личных, а не в общественных целях: в этом деле Леонид Ильич не отделял личное от общественного!

Глядя в будущее, Генсек как в воду глядел: оно построилось таким, каким и строилось. Интерес к фигуре Романова на Западе возрос неимоверно. И интерес этот носил запрограммированный характер: панический. Запрограммированный Брежневым и его командой – в этом Романов ничуть не сомневался. В данном случае, Леонид Ильич выступил заказчиком «работ по Романову», а Запад – подрядчиком. Это был редчайший случай, когда интересы непримиримых, казалось бы, антагонистов, сошлись. И сошлись они не столько «в чём-то», сколько против «кого-то».

Но Леонид Ильич не совершил ничего первопреходческого. Он всего лишь довёл до логического завершения работу, начатую – по его поручению – Андроповым. Ведь та статья в мартовском номере журнала «Ньюсуик» за семьдесят пятый год, где американцы «выбирали Генсека» между пятидесятидвухлетним Романовым и пятидесятилетним Щербицким, была инспирирована Леонидом Ильичом на пару с Юрием Владимировичем. КГБ организовал искусную утечку аналитических материалов по Романову и его перспективам – а коллеги за рубежом без лишних зазрений присвоили сей труд, выдав его за плод собственных ночных бдений под дверями кремлёвских кабинетов.

С той поры Леонид Ильич мог спать относительно спокойно. Правда – лишь в части Романова и после употребления лошадиной дозы снотворного. Только этот относительный покой – даже став абсолютным после захоронения, прямого или иносказательного, Шелепина, Полянского, Подгорного, Кулакова, Машерова, Косыгина и Сулова – ненадолго продлил старческое угасание Генсека.

И сегодня, пятнадцатого ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда со страшным грохотом – по вине не столько могильщиков, сколько начальников – гроб с телом Леонида Ильича «медленно опустился в могилу», Григорий Васильевич всё ещё не мог определиться с отношением к покойному. Да и последующее «воздаяние должного» на трибуне Мавзолея не поставило точку. Романов даже готов был экстраполировать кладбищенский образ Хрущёва «в редакции» скульптора Неизвестного на Леонида Ильича: чёрное и белое. Не применительно к стране и народу: применительно к себе.

Брежнев поступил с ним точно в духе Тараса Бульбы: «я тебя породил – я тебя и убью!». Брежнев вознёс его – и Брежнев низверг его. Да, он остался в Политбюро – но рядовой тягловой силой без перспектив сменить долю «скачущего под седлом» на долю седока. И этих перспектив лишил его именно Брежнев. По причине такого лишения Григорий Васильевич – хотя бы в порядке ответа – не мог не лишить Брежнева законной части «поминания добром». Даже, поминая Леонида Ильича по-русски, Романов «поминал» его... «по-русски»! Пусть и исключительно в душе, про себя – но в заслуженном формате «о мёртвых – либо хорошо, либо... ничего хорошего!»...

Глава вторая

– Григорий Васильевич!

Романов, затесавшийся со своими мыслями «в толпе» членов и кандидатов в члены – здесь не обязательно было соблюдать «ранжир» – обернулся на голос. Рядом, уже мягко придерживая его за локоть, стоял Андропов. По лицу его, не вполне сообразуясь с моментом, скользила лёгкая полуулыбка.

– Задержись на секунду.

Товарищи члены и кандидаты явно заинтересовались этим послетрибунным рандеву – но Генсек одним лишь взглядом «уговорил» их не выходить за пределы «молчаливой заинтересованности на ходу».

«Задержавшийся» Романов тоже молчал: ситуация не только предполагала, но и благоприятствовала «работе вторым номером».

– Я – к своему предложению, Григорий Васильевич, – сохранил формат полуулыбки Андропов. – Ну – как: надумал?

Романов не стал делать «ненужных глаз» на тему «Какого предложения, Юрий Владимирович?!». Предложение было – и вполне «какое». Леонида Ильича ещё не выставили в Колонном зале – а Андропов уже «открыл сердце» Романову, «свежеприбывшему» из Ленинграда. «Открытие», оно же предложение, было давно ожидаемым – и вместе с тем, неожиданным. Андропов, шедший на Генсека на безальтернативной основе, предложил Романову перебраться в Москву. Не только на постоянное место жительства – но и на пост секретаря ЦК.

Несмотря на «неожиданную ожидаемость», предложение было давно «по адресу» и по заслугам. Настолько давно, что Григорий Васильевич отнёсся к нему не только без неумеренного энтузиазма: и на умеренный не хватило эмоций. И не потому, что «товарищ» перегорел, «ожидаячи».

И не потому, что после «лениной» профилактики Романов мог считать себя не столько «политически санированным», сколько «политически стерилизованным» и даже «выхолощенным». Причина заключалась в другом: Григорий Васильевич был не только «себе на уме», но и на уме всех прочих. У него не было оснований для заниженной самооценки и предположений об умалении «со стороны коллектива». Поэтому на место как будто обязательного энтузиазма на законных основаниях заступил лишь тот вопрос, который только и мог заступить: «Почему – сейчас?! Почему именно сейчас?!»

По причине длительного стажа – кремлёвского и околоскремлёвского – Григорий Васильевич не питал иллюзий в политике. Точнее: в советской политике. Ещё точнее: в кремлёвской политике. Здесь случайностей не случалось. Здесь всё было закономерно и предсказуемо. Случайности формата тех, о которых говорил книжный Ришелье в романе Дюма-старшего, в Политбюро ЦК КПСС не имели шансов не только на выживание, но даже на появление на свет! Наши «случайности» были результатом многомесячного, а то и многолетнего труда специфического характера: «подкопы», поклёпы, «художественная роспись дёгтем», «санобработка помоями», братские объятия удава, сопровождение падающего дружеским напутствием в спину или под зад – и так далее, и тому подобное. Всё, как и полагается в нормальной партии между нормальными её руководителями.

Оттого-то Григорий Васильевич и не спешил просиять счастливой улыбкой. Оказанное доверие как-то не внушало... доверия. С одной стороны, всё было понятно: «новая метла». Та самая, которая выметает чужих – и намечает своих. Но с другой стороны, Романов никак не мог понять, куда же его самого зачисляют этим предложением: в свои – или в чужие?! Конечно, он – не Кириленко, не Щёлоков, не Медунов, с которыми Андропов не станет разыгрывать

даже шахматной партии образца «мат – в три хода». Мат – под мат и коленом под зад – будет сделать в один ход, и даже заход!

А, вот, что будет с ним? Может, его определили в «чужие длительного хранения»?! Может, это – всего лишь «отсрочка исполнения приговора»?! Если бы речь шла только о «работе по специальности», Григорий Васильевич не стал бы тревожиться. В конце концов, лучше него в вопросах оборонной промышленности и машиностроения никто в Политбюро не разбирался – и не собирался. Это ведь – не речи толкать с трибуны: здесь надо работать – и не языком! Поэтому такое выдвижение не вызвало бы вопросов не только «ни у кого»: и у самого Романова.

Но ведь секретарская должность под членство в Политбюро – это «жирафья шея»: как ни старайся – не спрячешься. Не спрячешься от плотоядных взглядов на неё – и на себя. Да и, похоже, выдвигали его именно для этого: с прицелом на «задвигание». Выдвигали – как поднимали в атаку на пулемёты. Выдвигали – как бросали под танк.

Все доводы «pro» и «contra» Григорий Васильевич «отработал», естественно, не в момент получения вопроса. Потому что отвечать – чтобы потом не отвечать за молчание – полагалось. И отвечать полагалось быстро. Так, что с получением вопроса Романов лишь на мгновение ушёл глазами в сторону. Да, отвечать следовало быстро – но не спеша. То есть, ставя язык в очередь – следом за головой. И пока Григорий Васильевич собирался с мужеством, словами и мыслями, Андропов продолжал улыбаться всё той же доброжелательной улыбкой... крокодила, облизывающегося от предвкушения – и даже повязывающегося на шею салфетку.

– Надумал ли я, Юрий Владимирович?

По причине момента Романов даже не использовал «защитную» усмешку: не так поймут.

– Думаю, Юрий Владимирович.

Он вернул глаза на место – и на лицо Андропова. Энтузиазма во взгляде Генсека заметно поубавилось. «Добрые интонации» в глазах заместились почти недружественными колючками. Несмотря на всю свою интеллигентность, Юрий Владимирович не терпел отказов: эту привычку он приобрёл в кресле Председателя КГБ, и отказываться от неё не собирался.

– И долго будешь?

И «температура» голоса Андропова стала заметно ниже. Юрий Владимирович и не скрывал того, что начинает «не понимать» контрагента. Обычно такое непонимание не сулило последнему ничего... первого. Будь это рядовое предложение рядовому чиновнику, Юрий Владимирович не стал бы его дублировать: не пристало Генсеку навязываться. Как говорится, была бы честь предложена. Но это предложение не было рядовым. Больше того: предложение даже не было... предложением. Это было много выше: кадровое решение на уровне члена Политбюро. А это – не перемещение клерка из одного кабинета в другой: это – политика. Большая политика. Поэтому, хоть и не пристало, но Андропов пристал. К Романову пристал – и с предложением, и как репей к известному месту.

Но то, что понимал Андропов, понимал и Романов. Всё понимал: и настойчивость, и политическую составляющую, и возможные, а скорее, неизбежные, последствия. Больше того: он понимал Андропова! Именно понимание Андропова не позволяло ему скоропостижно ответить согласием. Но для большего понимания Романову требовалось... больше понимания. Наличного объёма было явно недостаточно. Григорию Васильевичу хотелось узнать, как далеко может зайти Юрий Владимирович в своей настойчивости. Это многое прояснило бы не только в планах Генсека, но и в судьбе Романова. Понимание этого было жизненно необходимо для Григория Васильевича, так как это было пониманием своего будущего – и самого ближайшего. Ведь такие предложения здесь, на кремлёвском Олимпе, просто так, «за красивые глаза» – из мозгов и рук – не делаются. Потому что «и вся-то наша жизнь есть борьба» – это не только о кавалеристах-будённовцах! Даже – не столько о них, сколько о товарищах членах и кандидатах в члены!

– Прошу дать мне время до Пленума, Юрий Владимирович.

Андропов поморщился: к неудовольствию явно подключилась очередная колика.

– Чего тянуть, Григорий Васильевич? Мы вполне можем решить вопрос прямо сейчас, не дожидаясь Пленума. Оформим потом – в первый раз, что ли? Это ведь не главное. Главное – то, что дело не ждёт. То самое дело, которое лучше тебя никто не сделает.

«Дело не ждёт»! Нет, товарищ: не столько дело – сколько ты со своими планами! И в этих планах мне отводится роль, хоть и «со словами» – но даже не на одну серию: так – на пару сцен!»

Романов «поморщился изнутри»: неожиданные ожидания сбывались. Андропов не собирался отступать – и это был тот случай, когда дифирамбы не радовали. Ведь Генсек обкладывал ими Григория Васильевича, как медведя в берлоге! Но классическое «нашествие косы» предполагает контраргумент в виде классического же «камня». И, если Андропов не собирался отступать, то Романов не собирался уступать. Хотя, зная характер блокадника-фронтовика, Юрий Владимирович вряд ли мог рассчитывать на лёгкую победу.

– Всё же, я думаю, будет лучше, если мы подождём до Пленума.

На этот раз Григорий Васильевич «оставил без промаха бьющий глаз» – и «не промахнулся»: теперь уже Андропов «пошатнулся, раненый» – и отвёл взгляд. Но даже «с глазами на стороне» Юрий Владимирович не позволил затянуться паузе сверх норматива.

– Хорошо, Григорий Васильевич. Пусть будет по-твоему. Но в конечном итоге, всё равно, будет по-моему. Так, что, готовься сдаваться... то есть, я хотел сказать: сдавать дела. Собери бюро обкома – и попрощайся с товарищами «на будущее». Словом: потренируйся.

В том, что «всё равно, будет по-моему», как и насчёт «готовься сдаваться», Романов и не сомневался: наши Генсеки не отказываются от своих предложений. Здесь нет места экспромтам: всё выношено и рождено. Это, как раз, было понятно. Непонятно было другое: выбор. Выбор настораживал: почему именно его? Ничего удивительного не было бы в том, что Андропов начал бы «тягать из небытия» периферийных назначенцев. Такова общая практика: не он – первый, не он – последний.

Но почему он «положил глаз» на человека, который некогда «положил глаз» на его теперешнее место – до того, как его самого чуть «не положили на плаху» вместе с этим «глазом»? Может – именно в силу этого «положения глаза»? Так ведь – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»! Благодаря «заботам» Леонида Ильича, Романова давно «вычеркнули из списков живущих». На него уже никто не ставил ни в Москве, ни в Вашингтоне. Или: «бережёного Бог бережёт» – и Юрий Владимирович решил довести «дело Леонида Ильича» до логического конца... Григория Васильевича?

Романов «в глубине души покачал головой»: вполне возможно. Леонид Ильич никогда не оставлял «сочувствием» «раненого зверя»: всегда «приходил на помощь с контролируемым выстрелом». Примеры Шелепина, Полянского, Воронова – более чем наглядные. Похоже, Юрий Владимирович двинул проторённой дорожкой: и здесь наследует покойному Генсеку. Для них обоих – того и этого – не было и нет «вчерашних соперников». И то: соперники могут быть только сегодняшними! До тех пор, пока они – соперники: «вчерашние» – уже не соперники!

– Кстати, Григорий Васильевич...

Голос Андропова вернул Романова «из путешествия по себе».

– Посол США Хартман очень хочет побывать в Ленинграде – «а ещё в Петербурге».

Романов улыбнулся «в унисон» Андропову: американское невежество относительно России не являлось достоянием одних лишь обывателей. На этом «фронте» отличались и политики – и уровнем, куда выше посла! Показательным было другое: посол США хотел встретиться именно с Романовым. Полагать, что Хартман прельстился Баженовым и Растрелли мог

только наивный – да и то не в политике: в политике наивных не держат. Вернее: они сами там не задерживаются. Посему вывод мог быть лишь один: будут прошупывать и принохиваться.

– Я готов к роли радушного хозяина, – в меру дозволенного усмехнулся Романов. – Насколько я понимаю, встречать господина посла будет Романов – член Президиума Верховного Совета, а не первый секретарь обкома?

– Правильно понимаешь.

Андроповская улыбка тут же составила компанию романовской.

– Только за подготовкой к Ленинграду не забывай о подготовке к Москве.

Даже интеллигентная улыбка Юрия Владимировича не смягчала приговора. Генсек оставался Генсеком. Больше того: Генсек Андропов оставался Генсеком Андроповым, умеющим отделять «политические зёрна» от «бытовых плевел». «В контексте» этого человека «политический лес» не имел ни малейших шансов остаться неувиденным «за деревьями»...

– Хотелось бы узнать, как господин Романов видит будущее советско-американских отношений?

Даже за маской дипломатической вежливости проглядывало истинное лицо Хартмана: классического янки, озабоченного загадкой «русского сфинкса» по фамилии Романов. Похоже, что даже избрание Андропова не убило интереса Вашингтона к личности, вроде бы, стопроцентно демонтированного претендента.

– К сожалению, при виде этого будущего я не испытываю приступа оптимизма.

Романов был сама вежливость, но глаза его не сэкономили на иронии.

Хартман с трудом дождался окончания перевода – и лицо его «посерело от удовольствия»: такое начало не сулило радужного продолжения.

– Но почему, господин Романов?!

– Потому что единственным основанием для наших договорённостей может быть только принцип равной безопасности сторон! – отчеканил Романов, не слишком заботясь о том, насколько дипломатично это выглядит со стороны. – А как раз это и не устраивает Соединённые Штаты.

– Но ведь это вы вторглись в Афганистан!

Посол чувствовал, что вступает на «неконструктивно-скользкую» дорожку – но удержаться уже не мог.

– Вошли ограниченным контингентом по просьбе законного правительства, – сухо поправил гостя Романов, даже не пытаясь «увлажнить» ответ. – И только для защиты коммуникаций и грузов, но не для борьбы с так называемыми моджахедами на стороне правительственных войск. А, вот, мы можем предъявить Соединённым Штатам целый реестр претензий: и по другим странам, и по враждебной деятельности против нашей страны. Только, мне думается, если мы пойдём этой дорожкой – никуда не придём. Неконструктивное это занятие: выставлять счёт друг другу по принципу «Сам – дурак!».

Хартман побагровел, и некоторое время молча сопел, возвращаясь от образа стопроцентного янки к образу дипломата явно меньшей «степени чистоты». Наконец, он медленно кивнул головой.

– Мистер Романов, я готов согласиться с Вашей последней мыслью: взаимные претензии – тупиковый путь.

– Рад слышать это, господин посол, – даже не потрудился улыбнуться Романов: и не в характере, и нечего баловать гостя. – Но что, кроме этого, вы можете предложить?

Хартман дождался перевода – и растянул щеку в иронической улыбке.

– А Вы? Я, конечно, понимаю, что отвечать вопросом на вопрос – не вполне по-джентльменски, но на кону – будущее мира!

– Так и быть: я Вас прощаю, – усмехнулся Романов. По лицу Хартмана было заметно, что этот ответ принёс хозяину несколько дополнительных очков. Вероятно, гость полагал сво-

его собеседника олицетворением большевистской ограниченности вкупе с твердолобостью. – Что же касается наших предложений, то они вряд ли являются секретом для Вас. Вы так и не ратифицировали договор СНВ-2, отказываетесь от переговоров по ракетам средней дальности в Европе, не желаете и слышать о моратории на ядерные испытания. А теперь ещё – и планы «звёздных войн» – так называемой Стратегической Оборонной Инициативы мистера Рейгана.

– Это всё – пропаганда!

Скривив лицо, Хартман пренебрежительно махнул рукой. Лёгкая ирония скользнула по щеке Романова.

– Хорошо: что в Вашем понимании не пропаганда?

– Конкретные дела!

– А разве мы не предъявили их? – не слишком поработал над своим лицом Романов: и так сойдёт. – Разве мы не ратифицировали Договор СНВ-2?

Хартман поморщился.

– Что Вы всё время поминаете этот разговор?! Неужели нет более важных вещей?!

– Более важных, чем сокращение запасов ядерного оружия?!

Романов и на этот раз не стал картинно изумляться: всего лишь добавил иронии в голос и на лицо. И это оказалось не менее, а то и более действенным: понимая, что допустил недопустимый «прокол», Хартман смутился – и едва ли не покраснел.

– Ну, хорошо, хорошо: я не так выразился... Конечно, это – важный документ, но, как оказалось, он не в полной мере учитывает интересы Соединённых Штатов.

– «Как оказалось»?! – теперь уже не поспешил на иронию Романов. – По истечении пяти лет переговоров?!

Хартман попытался замаскироваться «многофункциональным» багрянцем, но в итоге лишь комбинированно покраснел-побледнел. Он не ожидал от себя таких ляпов. Ещё меньше он ожидал от Романова готовности, а, главное, умения творчески поработать с его ляпами.

– Этот документ предоставляет больше преимуществ Советскому Союзу!

Выдавая домашнюю, не слишком новую и не слишком оригинальную заготовку, Хартман старался не смотреть в глаза хозяина Смольного. А, вот, Романов «комплекса чужих глаз» явно не испытывал. Это обстоятельство привносило в разговор и состояние Хартмана дополнительную порцию дискомфорта.

– И поэтому президент Картер подписал его без оговорок?

Хартман закашлялся: ему неожиданно вспомнился Никсон с его рассказами о том, что в переговорах с Брежневым он чувствовал себя, как на допросе в КГБ. Тогда Хартман посчитал это преувеличением – и не формата «у страха глаза велики», а всего лишь попыткой за счёт русского лидера и самому «стать выше ростом». Но сейчас он понял, что слова отставного президента – вовсе не иллюстрация установки «ради красного словца не пожалею и отца!». «Этот» Романов обходился с ним так же, как и «тот» Брежнев – с Никсоном!

В политике – и не только – бытует такое выражение: «прочно завладеть инициативой». Закон логики требует признания прав и за его антитезой: «прочно утратить инициативу». Но и без «увязки» с требованиями логики Хартман чувствовал, что именно это и произошло с ним: он прочно утратил инициативу. Сейчас ему требовался срочный тайм-аут. Хотя материал для некоторых выводов уже имелся. Вернее, материал для доклада «наверх»: делать выводы – прерогатива Белого дома. И выводы не столько в отношении планов русских – они известны: выводы в отношении этого загадочного Романова. К сожалению, с каждой минутой общения «загадочный Романов» всё меньше оставался загадочным. Перед Хартманом сидел откровенно «просоветский» – если так можно сказать о советском коммунисте – безнадёжно «красный» руководитель. Для завершения портрета оставалось сделать лишь несколько штрихов.

– Значит, Вы считаете противоречия между нашими странами неразрешимыми?

– Ну, почему? – добродушно не улыбнулся Романов. – Только движение навстречу должно быть обоюдным и «с одинаковой скоростью». «Поспешать в одиночестве» мы не будем. «Пэйсмэйкер» – так, кажется, по-английски называется лидер в забеге?

– Да, мистер Романов.

– Так, вот: «пэйсмэйкера» на дорожке разоружений из нас сделать не удастся. Давайте «бежать» либо встречным курсом, либо локоть к локтю!

Хартман нервически дёрнул щекой, и еле слышно хрустнул челюстями: достал его уже этот очередной «Mister No»!

– Но ведь Вы, мистер Романов, не можете не понимать, что гонка вооружений разорительна для советской экономики?!

– «Не могу не» и понимаю, – не изменился в лице Романов. – Разумеется, достижение паритета в ядерных вооружениях – нелёгкое бремя. Даже – тяжёлое. Но таковое оно не только для нас. Соединённые Штаты тоже несут крест – и тоже тяжёлый. Если вы рассчитываете измотать нас гонкой вооружений – таки, нет, как говорят у нас в Одессе!

– ??? – почти обрадовался Хартман: неужели лёд тронулся – и этот русский, наконец-то, понял, что ему лучше выбираться «на американский берег»?!

– Мы не станем добиваться абсолютной симметрии. У нас есть возможность асимметричного ответа – менее затратного, но не менее эффективного.

Успев предварительно упасть духом от несбывшихся надежд, Хартман тут же насторожился, но русский, как опытный дипломат, едва приоткрыв завесу, немедленно опустил её. Правда, заключительные штрихи для завершения портрета были сделаны. Посол уже не сомневался в том, что в лице Романова он встретил совсем не то лицо, над которым готовы были поработать Соединённые Штаты.

– Значит, Вы по-прежнему делаете ставку на противостояние?

– Нет, – недипломатично не отвёл взгляда Романов. – Не на противостояние: на защиту собственных интересов.

– А как же общечеловеческие ценности?

Запоздало прикусив язык, Хартман поморщился от досады. Он и сам понимал, что сделал откровенно слабый ход – да слово уже отработало «неуловимым»... даже не Джо: «воробьём». И, если посол рассчитывал на то, что хозяин Смольного окажется джентльменом и в очередной раз «отпустит» ему очередной ляп, то он слишком хорошо – или слишком плохо – думал о своём визави.

– Вот, только не надо! – усмехнулся Романов, и не подумав «снисходить». – Не надо про «общечеловеческие ценности»! Видели мы, как вы и ваши клиенты «защищаете» их в Гренаде, Никарагуа, Сальвадоре! Этот перечень можно продолжать ещё очень долго: ведь почти каждую страну мира США объявляют «зоной своих жизненных интересов». И везде мишурой «общечеловеческих ценностей» прикрывается защита собственных интересов США.

– Но...

– Нет, мы не против интересов США!

Разом пресекая и успокаивая, Романов выставил ладони «наружу лицом».

– Мы лишь против интересов США вопреки интересам СССР. Согласитесь, что это – справедливо. Как минимум – разумно.

Некоторое время Хартман сидел молча, словно перерабатывая в себе урожай полученных впечатлений. Наконец, он с превеликим трудом вывесил на лицо маску неунывающего джентльмена.

– Благодарю Вас, мистер Романов, за Ваши чёткие ответы. Они многое прояснили. Во всяком случае, на многое открыли мне глаза.

«Не я ли – это самое „многое“, на которое „открылись“ твои глаза?!» – прямым текстом «отсемафорил» уже своими глазами Романов. Для того чтобы расшифровать ответ Хартмана, не требовался и дешифровщик: «Вы самые-с и есть-с!».

Уже поворачиваясь спиной к Романову, Хартман не смог удержать на лице маску добродушия – и она свалилась за ненадобностью. Лицо, оказавшееся под ней, было чёрно-белым. Его владельцу даже расхотелось любоваться шедеврами, как Эрмитажа, так и меню «Астории». И всё – потому, что ему было, что докладывать в Госдепартамент. Вряд ли это «что» могло обрадовать вашингтонское начальство – но он свою работу сделал: взял пищу для размышлений – и передал по инстанции. «Приятного аппетита, джентльмены!» Или, как однажды сказал мужиковатый Никита Хрущёв: «Бачилы очи, що купувалы – йишьтэ, хоть повылазьтэ!».

Не сомневался в характере донесения в Госдеп и Романов. Не сомневался так же, как и в характере визита: «разведка боем». Хартман уходил недовольный – и господа в Вашингтоне обязательно сделают выводы... в отношении товарища Романова. Вывод в формате очередной поправки... на другого товарища. Но пока – чёрт с ними: его голове есть, от чего болеть, и помимо американцев...

Глава третья

Двадцать второго ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года Григорий Васильевич Романов был избран секретарём ЦК. «Избран» по принципу «царь решил – а бояре приговорили». Правда, Андропов снизошёл к убедительным доводам Григория Васильевича – и дал тому... нет, не шанс: время. И не на прощание с товарищами: на то, чтобы ввести «наследника» Льва Зайкова в курс дела. Некоторое время пришлось совмещать – ну, а с января восемьдесят третьего Романов окончательно перебрался в Москву.

Как Генсек и обещал, он сберёт место Романова – для того, чтобы Романов не берёт себя на этом месте. Да и в кураторах оборонной промышленности не очень побережёшь себя, даже не будучи Романовым.

«Сберечься» не сумел бы никто, даже постаравшись. Но сейчас этому «никому» не пришлось бы стараться даже гипотетически: на должность Григорий Васильевич шёл на безальтернативной основе. Андропов понимал, что выбирать ему не из кого: вариант был не только лучший, но и единственный. Правоверный антисталинист – и такой же правоверный сторонник «административно-командного социализма» – Андропов горой стоял за военно-промышленный комплекс.

И не только потому, что за военно-промышленным комплексом стояла «гора» «в лице» маршала Устинова – сторонника не только Юрия Владимировича, но и политики дружбы с позиции силы. И сам Юрий Владимирович тоже дружил не только с Дмитрием Фёдоровичем, но и с советским ракетно-ядерным щитом. Именно поэтому Романов и «пошёл на ВПК»: представлять интересы партии и государства в этом «межведомственном ведомстве» лучше него не мог никто.

Без лишней – неуместной – скромности Григорий Васильевич понимал собственную безальтернативность. Не понимал он другого: зачем Генсек помещает «в одну берлогу» даже не двух, а нескольких «медведей»? Ведь одновременно с усилением его позиций Андропов усиливал и позиции Горбачёва. Да и усиливал ли он его, Романова, позиции? Переход в Москву – это не обязательно служебный рост. Сколько уже прошло перед его глазами тех, чьё выдвижение было своеобразной формой «задвижения»! Метод – сколь прост, столь и эффективен: сначала под прикрытием выдвижения человека отрывают «от корней» – а потом берут его голыми руками. И его – и у него! Потому что забирают всё: не только настоящее и будущее, но нередко и прошлое!

В том числе, и поэтому Григорий Васильевич не спешил в Москву. Пока он в Питере – «возьми его за рупь, за двадцать»! За него горой – бюро обкома, горкомы, райкомы – все «питерские сепаратисты». А как дадут «добро» – всё: заступиться за него будет некому! А один, как известно, в поле – не воин. Тем более, когда в этом поле – «товарищ» на «товарище», и все, как один – «по ту сторону» и по твою душу.

Романов не преувеличивал: в Политбюро у него не было друзей. Не в человеческом плане: хотя бы соратников. Конечно, он не был одинок в данном отношении – но это не слишком утешало. Кроме того, здесь уже сформировались «группы по интересам» – и ему не находилось места ни в одной из них. Поэтому, когда один из «ленинградских близких» высказал осторожное предположение о том, что этим выдвижением Андропов хочет столкнуть лбами Устинова и Романова, Григорий Васильевич не стал торопиться со скептическим хмыканьем. Что-то в этой версии было – какое-то здравое, хотя и не на здоровье, зерно. Правда, когда «товарищ» развил мысль до коварных замыслов Андропова в отношении Устинова, Романов отставил версию целиком. В предложенной версии ему отводилась роль орудия, с помощью которого Юрий Владимирович собирался «обезвредить» Дмитрия Фёдоровича – а это не подкреплялось фактами.

Отставка версии произошла не по причине уязвлённого самолюбия Романова. Причина заключалась в другом: Андропов и Устинов были, что называется, «мы с Тamarой ходим парой». В этом отношении они составляли редчайшее исключение из общего правила: дружили, понимаешь! И другой такой пары друзей в Политбюро не было. И, что самое любопытное, дружили они не только против кого-то – но и друг с другом. Поэтому даже мысль о подобных замыслах Андропова не имела ни минимального шанса на появление в голове Романова, не говоря уже о «получении прописки» или хотя бы «вида на жительство».

А, вот, столкнуть их с Устиновым лбами – другое дело. Такое коварство было возможно. И, главное: в духе Андропова. Этот человек походил на еврея не только внешне, но и «внутренне»: поступками. Григорий Васильевич конечно, слышал байки о еврейских корнях Андропова – но они значили, куда меньше еврейских по сути проявлений Юрия Владимировича, даже если тот «звезды Давида» – ни сном, ни духом, никаким боком! Как и всякий «нормальный еврей», Андропов был умён, хитёр, беспринципен и коварен. Поэтому ещё неизвестно, кто кого больше образовал: Андропов – КГБ, или КГБ – Андропова. Оба «товарища» стояли друг друга.

Поэтому Григорий Васильевич не исключал и «варианта-бис»: дополнения Андроповым платонической дружбы с Устиновым «политической дружбой» против Романова. Юрий Владимирович наверняка не забыл реверансов Запада Романову. И пусть семидесятые остались за горизонтом – вместе с ушедшими туда же амбициями Романова – Андропов не мог так легко «отпустить» Григорию Васильевичу даже потенциала соперничества. Как следствие, Романов не сомневался в том, что выдвижение его носит характер не столько «производственный», сколько «тайн мадридского двора». Андропов всё рассчитал верно. В этой ситуации выигрывал только он один: и от «производственных показателей» толкового руководителя, и от помещения теоретически опасного Романова в банку с оголодавшими «кремлёвскими пауками»...

Романов нахмурился. Мысли и так «нагружали» – а эти и вовсе «гнули к земле». Его позиция была самой ущербной: при таких исходных он не приобретал ничего – зато потерять мог всё. Кое-что он уже потерял: опору на питерских большевиков. Сейчас, как никогда раньше, он нуждался в союзниках. И не просто в союзниках: во влиятельных «товарищах», пусть и таковых всего лишь в кавычках. В тех, которые хотя бы не первыми станут побрасывать хворост в костёр, на который Андропов уже определяет его.

Но и это ещё было не всё: одного тлеющего конфликта с участием Романова Андропову было мало. Именно поэтому Генсек раздувал сейчас пламя из искры по фамилии «Горбачёв». При мысли об этом человеке Григорий Васильевич не мог не приходиться в состояние изумления – и на регулярной основе. И изумлялся он не Горбачёву – а тем, кто им «ходит по доске»! Неужели эти люди не видели, кто есть «ху»?! Да все старики, вместе взятые, представляли меньшее зло, чем один этот «молодой – да ранний»! Интриган Андропов хотя бы дело знал – и не только оперативно-розыскное на каждого «друга, товарища и брата»! А этот?! Пустобрёх, неумеха – но интриган, куда тому Андропову!

А, может, Юрию Владимировичу именно такой и был нужен?! Хотя бы – для того, чтобы обложить Романова Горбачёвым, как того медведя в берлоге?! От этих мыслей Григорию Васильевичу становилось вдвойне не по себе: вторую порцию составлял дискомфорт от сравнения. Неужели Андропов не мог «защититься» от него кем-нибудь, более достойным?! Ведь Романов и Горбачёв «в одной берлоге» – это оскорбление личности... Романова! Больше того: и для оскорбления – мезальянс! Тоже, понимаешь: нашли «поединщика»!.. Вот, разве, что – в контексте лозунга детской песенки «Без друзей меня – чуть-чуть, а с друзьями – много»?! Горбачёв – политический карлик, но на плечах Андропова – вполне гигант!

А тут ещё – слухи о том, что идею выдвижения Романова Генсеку подсказали на пару Горбачёв с Громыко. Это было похоже на правду. Оба – мастера «политической вивисекции»,

оба испытывали «давнюю симпатию» к Григорию Васильевичу – только у «симпатии» Громыко стаж был побольше.

«Да, уж: Громыко!» – не уставал изумляться Григорий Васильевич. И – за дело: ведь, если с Горбачёвым всё было ясно, ибо тот «метил» из «молодых да ранних», то чувства его «подельника» не могли не вызывать у Романова недоумения. Разве он переходил дорогу Громыко?! Разве помогал «отдельным товарищам» и целым «органам» «раскрыть глаза на подлинное лицо министра иностранных дел»? Да, «ни Боже, мой!» Громыко был для него «обитателем соседней планеты» – и по этой причине «вопросов коммунального характера» между ними и возникнуть не могло. Разве что Андрей Андреевич сам «метил» – и по этой причине «по-товарищески» «копал» и «капал»?!

«Всё это было бы смешно, когда бы не было...»... даже не смешно! Никто и никогда не рассматривал кандидатуру Громыко ни в шутку, ни всерьёз. И, если Андрей Андреевич вдруг начал сам рассматривать свою кандидатуру – да ещё всерьёз, то это могло означать лишь одно: товарищ совсем утратил чувство юмора. Конечно, товарищу можно было бы помочь – и со зрением, и с чувством юмора – но это было равнозначно тому, чтобы самому взяться за лопату для выполнения «земляных работ». И не под Громыко: под собой.

Отчасти утешала версия ублажения Генсеком недоброжелателей. Не своих: Горбачёва. Такая версия имела право на существование – и не только потому, что Романову очень хотелось этого. Разумеется, самоуспокоения в ней было процентов пятьдесят – но почти столько же было и других ингредиентов: простая арифметика! Наличие у Горбачёва недругов означало не только... наличие у Горбачёва недругов, но и наличие у Романова союзников. Союзников всего лишь потенциальных, вынужденных, де-факто попутчиков – но имеющих наличием хотя бы в перспективе.

Григорий Васильевич мысленно «защёлкал костяшками счетов». Но куда и сколько ни клади – а у Андропова имелся перевес. И не только «по штату на текущий момент» – но и «по результатам работы за отчётный период». Достаточно было вспомнить «трудовые достижения» тогда ещё Председателя КГБ – и всё тут же становилось на место.

Далеко и ходить не требовалось: Кулаков! Фёдор Давыдович был на таком хорошем счету у Леонида Ильича, что ничего хорошего это ему не сулило. Исключительно потому, что ничего хорошего это не сулило Юрию Владимировичу. Почему именно ему? Не только потому, что – «закон обратной связи»: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом! Недаром ведь «каждый солдат носит в своём ранце жезл маршала»! А для того, чтобы этот жезл не остался бутафорским, надо много работать – и не только над собой, но и над товарищами. Над товарищами даже – в первую очередь. И Юрий Владимирович работал: в этом отношении он был незаменимым работником. Заменяемыми были другие – те, которых он собирался заменять.

И ведь заменял! Кулаков стал тому наглядным примером. Мужик был настолько хорош – и собой, и результатами – что Юрию Владимировичу становилось от этого плохо. По этой причине ему не оставалось ничего другого, как «поменяться с товарищем ролями»: обменять своё «плохо» на его «хорошо». И шестидесятилетний здоровяк Фёдор Давыдович – второй «по молодости» в тогдашнем Политбюро за Романовым – в ночь на семнадцатое июня семьдесят восьмого года скончался от острой сердечной недостаточности. Ни дня не «бюллетенивший», глушивший водку стаканами и литрами – а «оказался» «недостаточен сердцем»!

Только грешить на водку и даже баб – само по себе грех. Да, Фёдор Давыдович щедро делился собой и с водкой, и с бабами. Но с его здоровьем ресурсов на оба фронта ему хватило бы ещё лет на двадцать! Причиной «сердечной недостаточности» оказалась другая недостаточность: политической бдительности. Двумя годами ранее «по Олимпу» прошёл слухок о том, что «группа товарищей» намерена выдвинуть работающего Кулакова, «задвинув» нетрудоспособного Брежнева! И хотя Фёдор Давыдович даже «по пьяной лавочке» не открылся «полковником Исаевым» – так и продолжал работать «штандартенфюрером Штирлицем» –

участь его была решена. Потому что «бережёного Бог бережёт» (в роли «бережёного» – Юрий Владимирович Андропов)! Потому что «лучше перебдеть, чем недобдеть» – а в этом отношении Юрий Владимирович был чекистом не меньшим, чем его предшественники на посту Ягода, Ежов и Берия!

И – какое коварство: речь на похоронах Кулакова давал Горбачёв, которого Андропов наметил на место покойного ещё тогда, когда тот был всего лишь кандидатом в покойники! И речь Горбачёв давал лишь потому, что Андропов дал ему слово, протиснув к микрофону сквозь толпу конкурентов! Ведь «засветиться» на трибуне – а особенно на похоронах – большое дело, даже «полдела»! То самое «полдела» – как полпути к вершине!

И быть бы Романову вторым на очереди «по слабости сердца» – если бы не то обстоятельство, что Юрий Владимирович, пусть и на пару с Леонидом Ильичом, но уже поработал с Григорием Васильевичем! Тогда – ещё в семьдесят четвёртом. Поработал, конечно, топорно – но это был тот случай, когда «на все сто» оправдалась установка Геббельса: «Чем чудовищнее ложь – тем легче ей поверят!». Им троим: Брежневу, Андропову и совместной лжи, поверили – и это обстоятельство, хоть и убило Романова политически, продлило его физическое существование.

Если руководствоваться всё теми же слухами, после «тяжёлой утраты друга и товарища» Кулакова, у Андропова осталось всего три соперника в борьбе за место у тела дряхлеющего Генсека: Мазуров, Кириленко и Машеров. С Мазуровым Юрий Владимирович обошёлся вполне деликатно: Кирилла Трофимовича «не вынесли ногами вперёд», а всего лишь сопроводили коленом под зад. Ну, вот, не было крайней необходимости в крайних мерах: Мазуров оказался понятливее Кулакова.

Не пожелал Юрий Владимирович и крови Андрея Павловича Кириленко. Не от избытка гуманизма не пожелал: «лейб-медик» Чазов – друг Андропова, а в интерпретации недоброжелателей – «стукачок» – «по-дружески» информировал покровителя (покровителя) о том, что Андрей Павлович... сам идёт навстречу пожеланиям трудящихся! В конце семидесятых Кириленко «бурно прогрессирует»... по линии прогрессирующего склероза сосудов головного мозга. Всё более нечленораздельной становилась его речь, всё более устрашающе зияли провалы в его памяти – и это не могло не радовать Юрия Владимировича. Ведь Андрей Павлович избавлял не только Юрия Владимировича от работы над собой – но и себя от работы с ним Юрия Владимировича!

А, вот, Машеровым пришлось заняться всерьёз. Товарищ оказался «с мухой в носу»: вздумал не понимать реалий! И каких: политического бытия! Пётр Миронович всё активнее и всё опаснее заблуждался насчёт себя – да так, что, в конце концов, Юрий Владимирович перестал заблуждаться насчёт него! Вот и пришлось Юрию Владимировичу обратить на товарища «самое пристальное внимание». И не хотел – а вынудили! Нужно было наставить Петра Мироновича на путь истины, вернуть к свету, к жизни – неважно, что путь оказался «последним», свет – «тем», а жизнь – «лучшей».

По состоянию на тот момент, когда Брежнев уже и стоять не мог, Андропов, наконец, состоялся. Теперь у него оставались лишь одни «друзья»: кто – своей волей, кто – чужой. Тот самой, что сродни неволе...

Глава четвёртая

На выборах Генерального секретаря Григорий Васильевич голосовал, разумеется, за Андропова. Голосовал и потому, что и выборов, как таковых, не было – товарищ шёл на безальтернативной основе, и потому, что отчётливо сознавал реалии политического бытия. После «воспитательной работы» образца семьдесят четвёртого года на Романове поставили крест – и даже «забили», но уже «кое-что» другое. Своей «банды» – коллектива единомышленников – Григорий Васильевич сколотить не мог по причине «иностранной прописки», чужую не давали даже в аренду – вот и пришлось ему учитывать реалии бытия.

В этих реалиях ему отводилось место «на заднем дворе» кремлёвского Олимпа. Нет, он, конечно, по-прежнему значился членом Политбюро, входил в состав Президиума Верховного Совета, на съездах и пленумах сидел лишь «этажом» выше Брежнева – но... былого Романова уже не было! Никто уже не примеривал на его голову «шапку Мономаха»! Теперь Григорий Васильевич значился лишь в ряду «сдержек» и «противовесов».

До уровня «разменной монеты» он не опустился лишь потому, что его и не опускали туда. Андропов сотоварищи были не дураки. Они понимали, что Романова нельзя «немножко убить»: его надо «убивать сразу – и целиком».

А такие вопросы «с кондачка» не решаются: Григория Васильевича надо было подготовить «к торжественным проводам в мир иной». А в том, что Андропов не успокоится до тех пор, пока не успокоится навсегда бывлой конкурент, Григорий Васильевич и не сомневался.

Но только этими доводами разума «выбор» Романова не ограничивался: нашлись и другие. С учётом этих «других» Григорий Васильевич и голосовал за Андропова не только поэтому, что Андропов стал Андроповым, а сам он, Романов, перестал быть Романовым. А ещё – не потому, что «недолго уже осталось» Юрию Владимировичу: Григорий Васильевич совсем не был уверен в том, что сам переживёт – хотя бы политически – «не жильца» Андропова! Причина, какой бы невероятной она не показалась «гостю Олимпа», состояла в том, что Романов с Андроповым были... «одной крови»! И это – при этом, что Романов был верным почитателем Сталина, а Андропов – не менее верным его хулителем! Это расхождение не было принципиальным, ибо стороны сходились в главном: во взглядах на мир и на положение Советского Союза в этом мире. Да и взглядами на то, что внутри, они не сильно отличались друг от друга. Оба были ревностными воителями «за дело административно-командной системы». И воителями не только ревностными, но и идейными.

Андропов был «убеждённым» и «деятельным» – и поэтому Романов готов был уступить кресло, тем более что и предназначалось оно не для его зада. В Андропове Романову нравилось то, что тот и не собирался демонтировать социализм – «хорошее детище нехорошего Сталина». Это же касалось и сферы «дружбы между народами». Недаром же вскоре после очередного «исторического» пленума записной антисоветчик Бжезинский записал очередной антисоветизм: «Андропов пытается нормализовать отношения с Китаем, ухаживать за Европой и изолировать США». Такую здравую политику Романов не мог не приветствовать: это была его политика, хоть и «в редакции» Андропова.

Правда, некоторые «шаги вовнутрь» настораживали. Нет, против секретарства Рыжкова, Николая Ивановича, Григорий Васильевич возражений не имел: Рыжков занял место Кириленко. Парень – таковой, конечно, условно: двадцать девятого года, то есть, лишь на шесть лет моложе Романова – он был вполне «ничего себе». И хоть он и был с Урала – но вовсе не «с Урала»! За плечами у него был «Уралмаш», министерство тяжёлого машиностроения, Госплан СССР. А это значило, что товарищ «понюхал порошу» – и не в кабинетах, а на производстве! Именно поэтому Андропов дополнительно нагрузил его Экономическим отделом ЦК.

А, вот, другой «товарищ издалёка» Романову совсем не понравился. С Егором Кузьми-
 чом Лигачёвым они были немного ближе по годам – но много дальше по всему остальному:
 классические «разного поля ягоды». Для Романова Лигачёв был не только «не с нашего двора»,
 но даже «не с нашей улицы»! Мало того, что Егор Кузьмич «поворачивался задом» к Сталину –
 так он ещё к Горбачёву поворачивался лицом! «Сибирь» до неприличия активно напрашива-
 лась на дружбу с «Кавказскими Минеральными Водами»! И, ладно бы – на «русско-водочной
 основе»: на почве идеологической близости. Оба деятеля были нездоровы – и даже больны –
 критиканством. Всё им было не так: и «темпы», и «роста», и «показателей». И в своём недо-
 вольствии они винили не отдельных товарищей – а всю систему сразу. И хотя делали они это
 не с трибун – но шила в мешке не утаишь, особенно, когда оно то и дело напоминало о себе
 заду.

Лигачёву Андропов доверил Отдел оргработы ЦК. С точки зрения Романова: «пустил
 козла в огород». А ведь для того, чтобы «разгуляться вволю», Лигачёв имел целых три недо-
 статка: активность, жёсткость, целеустремлённость. И самое неприятное заключалось в том,
 что все эти недостатки он поставил на службу не только Андропову, но и Горбачёву.

С подачи этих двоих Юрий Владимирович развернул настоящую «охоту на ведьм»: начал
 менять «первых на местах», как перчатки. Досталось «генсекского внимания» и народу
 в Совмине и ЦК. В результате народ... пошёл в народ! То есть, решительно опроверг шуточ-
 ный перепев времён Леонида Ильича: «Вышли мы все из народа – как нам вернуться в него?». Оказалось – не вопрос: Юрий Владимирович нашёл, «как» – и вернулись! Как миленькие, вер-
 нулись! И обратно в народ – пусть и не в тот, что от сохи, пусть в служивый – но на самые
 нижние этажи. Можно сказать, что слились с серой массой... трудящихся.

Итогом кадровых маневров явилось то, что Рыжков стал отвечать за промышленность –
 хотя ещё и не головой, а Горбачёв продолжил свои фантазии на темы продовольственного
 изобилия. Григорий Васильевич не преувеличивал: именно Горбачёв был запевалой сказоч-
 ной – только в своей нереальности – «Продовольственной программы до 1990 года включи-
 тельно». А Леонид Ильич только «огласил весь список» «из скатертей-самобранок, волшебных
 палочек и горшочков-«вари!».

В своей работе Григорию Васильевичу не нужно было пересекаться с Горбачёвым –
 а с Рыжковым найти общий язык не составило труда. Парень

оказался весьма покладистым и для своей должности на удивление неглупым. И, если
 он не слишком усердствовал по линии помощи – то и «в обратном направлении» тоже был
 «не слишком». Большого от него и не требовалось: Григорий Васильевич знал не только своё
 дело – но и чужие дела, и даже делишки.

Всё бы ничего – да не только назначение Лигачёва портило Романову и настроение,
 и кровь. Увы, Андропов «не остановился на достигнутом». В экономику табуном повалили
 обладатели всевозможных регалий и отсутствующих достоинств: Аганбегян, Арбатов, Бого-
 моллов, Заславская, Примаков, Тихонов, Абалкин, Петраков, Ситарян. Из Канады «выписали»
 «притчу во языцах»: Александра Николаевича Яковлева, вечного антисоветчика – и по совме-
 стительству посла в этом британском доминионе. Как тут было не вспомнить классика! Только,
 если книжный Бендер чувствовал «руку Корейко», то взаправдашний Романов – «руку Гор-
 бачёва». Без этого специалиста по борьбе – но не за урожай, а «под ковром» – возвращение
 блудного, а ещё больше заблудшего сына не состоялось бы.

А ведь ещё совсем недавно Юрий Владимирович основательно и почти «по-русски» про-
 шёлся по личности этого субъекта. Но Горбачёв был нужен Андропову – хотя бы как противо-
 вес Романову и прочим «увесистым» членам – и Юрию Владимировичу пришлось наступить
 на горло собственной песне, вместо того, чтобы «наступить на хвост» Яковлеву.

Вероятно, в качестве лучшего специалиста по рекламе загнивающего капитализма, Алек-
 сандр Николаевич и был определён на вовсе «не пыльное» и очень «тёплое место» директора

ИМЭМО. Но интриган Горбачёв не был бы интриганом Горбачёвым, если бы не совершил дополнительное поползновение – через вползание в душу Андропова – и Яковлев был «проведён» советником ЦК по совместительству. Ни для кого – а для Романова особенно – не являлось загадкой то, что этот советник там насоветует!

Анализируя назначения, Григорий Васильевич почти физически ощущал шевеление волос на голове: Юрий Владимирович назначал... назначенцев Михаила Сергеевича! По недогаду – или умысленно – наверх просочились не только Рыжков с Лигачёвым, но и такие «бойцы идеологического фронта», как Медведев и Кручина. Первого Андропов «посадил» – увы, не в Лефортово: на науку, Заведующим отделом ЦК. Это должно было обеспечить невиданный рывок в науке... о превосходстве рыночной экономики над плановой, а «общечеловеческих ценностей» – над «моральным обликом строителя коммунизма». Ну, а Кручине тоже нечего было кручиниться: должность управделами ЦК позволяла управиться... не только с делами ЦК, но и со своими личными. А заодно – и с теми, кто мешал бы... мешать личные дела с государственными.

Из старых знакомых «поднялся» только Гейдар Алиев. Это повышение не трогало Григория Васильевича, потому что не задевало. Ведь ещё в сентябре, за пару месяцев «до отхода», Леонид Ильич планировал заменить им «окончательно выздоровевшего» Кириленко. Но очередная хроническая «временная нетрудоспособность» помешала Генсеку довести Андрея Павловича до Новодевичьего кладбища: по устоявшейся партийной традиции, «отставной козы барабанщик» не имел право на упокоение у Кремлёвской стены. Потому что иерархия – она и гробу иерархия!

Романов мало пересекался с Алиевым – но мужик вызывал у него уважение одним лишь фактом причастности к КГБ. Кроме того, Алиев был умён, деятелен и образован: как-никак – три восточных языка. И это – при том, что члены Политбюро в основном знали два языка: русский разговорный и «русский разговорный». До того, как «подняться» самому, у себя в Азербайджане невероятно обходительный Алиев занимался конкретным делом: поднимал республику. И поднял – да так, что она стояла на ногах крепко, не шатаясь. И неважно, что «опоры» приходилось выбивать в России – и даже из-под неё!

Конечно, по части славословия Леониду Ильичу он явно перестарался, затмив «поэтически-политическими» изысками даже классические здравицы халифам времён «Тысячи и одной ночи». Читая «Правду» с отчётом о пребывании Леонида Ильича в Баку, Григорий Васильевич «хохотался до упаду»: оказывается, «пройдут года и столетия – а благодарный азербайджанский народ никогда не забудет этот день». Имелся в виду день, в который дееспособного на полпроцента Леонида Ильича «предъявили» населению столицы Азербайджана.

Но, заслуженно не одобряя «перегибы» и «переборы», Романов не слишком усердствовал в критике Алиева. Возможно, хитрый «восточный человек» благодарил Леонида Ильича за предстоящее назначение – или же дополнительно убеждал его в правильности выбора. А, может, Алиев «столбил участок»: лишний «транш» из Москвы совсем не был лишним. Гейдар умел просить так, чтобы не только не отказали, но ещё и благодарили «за счастье оказать эту маленькую услугу большому другу Москвы».

Назначение Алиева явно не было направлено против Романова. Они не пересекались и раньше, не предполагалось этого и в будущем. Не только в силу характера обоих: в силу характера должностей обоих. Как член Политбюро и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Алиев «облекался доверием» за транспорт и производство товаров народного потребления. Так же – и в политической составляющей: и здесь Григорию Васильевичу не о чем было тревожиться. Алиев не был членом команды Андропова, и «не состоял у него на довольствии». Больше того: между ними никогда не было доверительных отношений – а без этого один человек в Политбюро не мог быть «человеком» другого человека в Политбюро.

Поэтому Григорий Васильевич не сомневался в том, что Алиев был назначен первым замом Председателя Совмина не как друг Андропова, а как противовес Тихонову. Другом Андропову Гейдар Алиевич, по счастью – для Романова – не был. Хотя, почему «по счастью»?! «Счастье» тут – понятие относительное и весьма условное. Да, Алиев не должен был примыкать, а тем более, пресмыкаться.

Это касалось всех потенциальных объектов «примыкания» и «пресмыкательства»: и Андропова, и Горбачёва, и его непосредственного начальника Тихонова. Но, как истинно «восточный человек», а ещё больше как бывший чекист и нынешний «политбюровец», Алиев вряд ли полез бы в драку за интересы конкретного товарища. Да, что, там, «в драку»: даже стороны не принял бы! Вот, на что он действительно затратил бы максимум сил – так это на то, чтобы остаться «над схваткой». Другой вопрос: получится ли это у него? В Политбюро «мудрых Хануманов» и без него хватает – да и тех не жалуют!

Но в любом случае, Романов мог не опасаться Алиева: как минимум, «падающего подтолкни» – это не его части. Одно дело – «рассыпаться» перед рассыпающимся Брежневым – и совсем другое: «сыпать» единомышленника. А в том, что их с Алиевым не разделяет «стратегическая пропасть», Романов не сомневался. Гейдар – не Горбачёв. За это говорило и его прошлое, и его настоящее. Гейдар – прагматик-производственник, а не безголовый реформатор образца «главное – ввязаться в бой – а там видно будет!». Конечно, в нём – чуть меньше здорового консерватизма, чем в Романове – но всё равно: свой брат-консерватор!..

Шестнадцатого декабря состоялось давно ожидаемое – и давно заслуженное – событие: Щёлокова «сняли с министерства внутренних дел». Правда, событие вместо «вселенского» – в масштабах СССР – размаха, оказалась местного значения. Этим скромным шагом Юрий Владимирович и ограничился: ожидаемого второго шага не последовало. Более того: за Николаем Анисимовичем сохранили всё его имущество, движимое и недвижимое, включая «собственную шкуру»! Но мало кто сомневался в том, что – надолго: люди «Андропова» уже «вооружились лопатами» – и не только для того, чтобы всего лишь «подкопать» Щёлокова. Параллельно с «раскопками» отставному генералу армии «отрывали последний окоп полного профиля»: стандартные два восемьдесят.

На место Щёлокова Юрий Владимирович определил чекиста Федорчука, авансировав его согласие заменой трёх генерал-полковничьих звёзд одной генерала армии. Имеющийся у него крупный недостаток – выдвигенец Черненко, Федорчук полностью компенсировал многочисленными достоинствами: грубость, хамство, незнакомство с лирикой. С учётом таких данных, он представлялся идеальной кандидатурой для возглавления работ «по санированию милицейского общества».

Как человек дела... в отношении другого человека, в своей практической деятельности генерал неукоснительно исповедовал верность принципу «Лес рубят – щепки летят!». Другого такого «рубаки» ещё поискать надо было – и всё равно не найти! Юрий Владимирович не сомневался: этот «наломает дров» от души... в смысле: из душ человеческих. Но это был тот редкий случай, когда подобный творческий порыв лишь приветствовался. А всё – потому, что «лучше перебдеть, чем недобдеть!».

На КГБ, к очередному неудовольствию Романова, остался верный андроповец Чебриков. Отношения с ним, как не сложились с самого начала, так и не складывались до сих пор. А ведь, казалось бы, «одно дело делаем: ты – по-своему, я – по-своему». Оба представляли опору государственности: один – тайную полицию, другой – ВПК. Чебрикову уже по должности полагалось иметь «правильные» взгляды – однако он упорно не соответствовал. Дошло уже до того, что он не только не спешил демонстрировать «верность идеям» – но и примыкал к Горбачёву!

Романов терялся в догадках: не штафирка ведь партийная – а, поди ж, ты! С чего это гэбэшник так «возлюбил ближнего своего»?! Оттого, что «ближний» – «свой»?! То есть, всё, что от Андропова – «чистое», а, коль скоро Романов – «от себя», то он – «нечистый»?!

Отсюда с неизбежностью вытекал огорчительный вывод: Чебриков даже не в перспективе, а уже сейчас дополнительной гирькой ложился на чашу весов Горбачёва. Григорий Васильевич не сомневался в том, что Андропов в самое ближайшее время «протолкнёт» Чебрикова в Политбюро – хотя бы кандидатом в члены. И, ладно, если бы Генсек создавал комфортное большинство для себя: ведь он создавал его для Горбачёва, пусть и впрок!

В контексте последних лет политической биографии Романова, люди непосвящённые и даже посвящённые должны были полностью исключать какой бы то ни было интерес Григория Васильевича к «телодвижениям наверху». Ведь бывший кандидат в партийные цезари не только «выпал», но и «упал»! С учётом партийно-номенклатурных традиций обратный маневр казался чудом не меньшим, чем воскрешение Христа. А так как правоверному коммунисту надлежало быть таким же правоверным «атеистом по совместительству», то «воскрешение» Романова не допускалось и теоретически.

Только «пророки» в очередной раз отработали «пальцем в небо». Даже, если сегодняшний Романов ещё и не воскрес Романовым вчерашним, то ему, как минимум, было, от чего задуматься. Последняя информация из Кунцевской больницы – от верных людей, а не от «многоликого» Чазова – неожиданно отработала «живой водой»: пробудила, если не былые надежды то хотя бы воспоминания о них. И – не в контексте романа «Не пробуждай воспоминаний ушедших дней, ушедших дней». Романову вдруг показалось, что снова «всё может быть».

Причиной для политических выводов стал факт сугубо медицинский: в одной из палат отсека «для членов Политбюро» на днях установили закупленный за рубежом аппарат для гемодиализа. Как объяснило «доверенное лицо», это могло означать – и означало в действительности – лишь одно: почки Юрия Владимировича навсегда отказали своему хозяину в повиновении! Обе – сразу! При таких обстоятельствах всё то, что «может быть», могло быть теперь в любое время!

От этих мыслей кругом шла голова, пока Григорий Васильевич шёл кругами по комнате. Мысль его работала на анализ и на хозяина – а поэтому не могла позволить себе верхоглядства и необоснованного энтузиазма. Ситуация была непростой. Причиной тому – время, которое опять являло двойственную природу: его было и много, и мало одновременно. Одновременно во всех смыслах: и в плане самого себя, и в плане «конечных потребителей». Время работало сразу и на, и против них обоих: и Романова, и Горбачёва.

С одной стороны, оно работало на Григория Васильевича – поскольку не так много его осталось «уходящему» Юрию Владимировичу для того, чтобы ещё больше усложнить жизнь «остающемуся» Григорию Васильевичу. Но, с другой стороны, оно работало на Горбачёва. Ведь, чем больше его оставалось Андропову – тем больше возможностей появлялось

у Горбачёва «для обрастания крыльями и кулаками». В этом контексте, чем больше времени было у Горбачёва – тем меньше его было у Романова: «не бином Ньютона»!

Григорий Васильевич был человек практический, но не кровожадный. Да, в силу производственной необходимости ему доводилось кого-то «давить» и «подавлять». Но сейчас, впервые в жизни, ему приходилось желать своему непосредственному начальству «если смерти – то мгновенной» не от неприязни к нему: от неприязни к его фавориту, который до неприличия сильно хотел «перейти в лигу наследников».

В контексте этой «установки» Романов так же впервые в жизни остро почувствовал дефицит разведанных: ведь тот, кто владеет информацией – владеет ситуацией. Пока же Григорию Васильевичу приходилось самому обрабатывать «легальным резидентом» – а это совсем другие возможности...

Глава пятая

Григорий Васильевич Романов имел взгляды... Романова. Державные, то есть: фамилия обязывала. Ничего удивительного: среда формировала Романова – а Романов формировал среду. В том числе, и поэтому он всегда добивался того, чего добивался. В пределах должностных прав и обязанностей, разумеется. Тысяча девятьсот восемьдесят третий год не стал исключением из правила даже с учётом «нового места жительства» члена Политбюро от Ленинграда. Как и ожидалось – по плану, а ещё больше от Романова – рост объёмов промышленной продукции имел место быть. Таковой за отчётный период было произведено на четыре процента больше, чем в году предшествующем. Выросла и производительность труда – на вполне достойные три с половиной процента.

Апологеты – они же ставленники – Андропова тут же переадресовали аплодисменты своему покровителю. Романов – автор небольших достижений, уже выдаваемых за большие другого товарища – не стал возражать. В конце концов: «жила бы страна родная – и нету других забот!». Кроме, пожалуй, одной: чтобы его «законной добычи» ни крошки не перепало стервятникам, вроде Горбачёва.

Романов был доволен собой, а также тем, что Андропов был доволен им. Григорий Васильевич оправдывал возлагавшие на него надежды и грузы: тягловый потенциал «ока» ВПК оправдывался, если не сто, то, как минимум, на девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Но больше всего Андропов был доволен довольством Романовым отведённым тому «местом под солнцем». Григорий Васильевич демонстрировал тонкое понимание момента... руководства Юрия Владимировича. «Номер» Григория Васильевича был, пусть и не «шестнадцатым» – но и не первым!

И Григорий Васильевич мудро «не притязал»! Конечно, даже это не освобождало Юрия Владимировича от обязанности постоянно держать светлый образ Григория Васильевича... нет, не в памяти: в оптическом прицеле, чтобы в нужный момент произвести «контрольный выстрел». Из гуманных соображений, разумеется: чтобы товарищ Романов не мучился... сравнением и мечтами. Но пока секретарь ЦК по оборонной промышленности и машиностроению вёл себя «адекватно» и «вменяемо», Генеральный секретарь имел возможность не только «ослабить нажим пальца на спусковой крючок», но даже, время от времени, «отрывать глаз от прицела»! Ведь в текущем году Романов давал не «жару», а плану! За счёт результатов его подшефных отраслей удалось поднять среднегодовой темп экономического развития за три последних года до отметки в три и две десятых процента!

К сожалению – для Романова – не подвёл и Горбачёв. Точнее, климатические условия не подвели Горбачёва. Всё случалось вовремя: вовремя шли дожди, вовремя проглядывало солнце. Поэтому не только бездарное руководство, но даже полное отсутствие Горбачёва не могло помешать сельскому хозяйству дать прирост вверенной продукции на две и шесть десятых процента.

Но и у Горбачёва имелся повод для уныния. Если в кадровых вопросах «окружение противника» и даже «замыкание кольца» проходило вполне успешно, то на фронтах практической работы «проклятому» Романову удалось вырваться «на оперативный простор». Больше того: коварно воспользовавшись прогрессирующей недееспособностью Генсека, Романов начал эксперимент по перестройке управления промышленностью! Он увеличил права предприятий, учредил зависимость фонда оплаты труда от конечного результата, и установил взаимную ответственность поставщиков и потребителей. И эксперимент начал приносить совсем даже не экспериментальные плоды «в лице» дополнительных рублей и процентов – и как следствие, дополнительных очков «в зачёт» Романову.

Однако ненавистному Романову и этих «плевков в Горбачёва» показалось мало – и он решил пересадить ещё один «порочный» ленинградский метод «на союзную почву». Уже в июне началась работа по реформированию общеобразовательной и профессиональной школы. Добившись для ленинградских ПТУ статуса средней школы по всем параметрам, Романов захотел не только распространить этот опыт на весь Союз, но и сделать все школы страны «немножко ПТУ». Григорий Васильевич мечтал о том, чтобы аттестат о среднем образовании получали не великовозрастные балбесы, а уже готовые слесари, токари, механики, швеи и прочий рабочий класс. И, ладно бы только мечтал: и делал! Михаилу Сергеевичу так и чудился в Романове «албанский Сталин» Энвер Ходжа, который всех партчиновников два месяца в году отправлял – простыми рабочими! – на заводы и фабрики, а сам «токарил» на заводе имени Сталина в Тиране! В связи с этим Горбачёв имел законное право воскликнуть – правда, глубоко в душе: «Два диктатора – как два сапога – пара!».

Разумеется, Михаил Сергеевич, «все, как один», поднялся бы против этих злодейских покушений на права «митрофанушек» и «скалозубов» – если бы не одно «но». К сожалению для него, на этот раз «подкачал» Андропов. Ведь именно Юрий Владимирович в речи на июньском пленуме так неосторожно поднял... знамя Романова. Он поднял – а Романов тут, как тут: подхватил, развернул – и понёс дальше. И, что самое неприятное для Горбачёва: не стал притязать на авторские права. А как было бы славно: он сказал слово – ему сказали, глядишь, какой-никакой диалог и завязался бы! А там и до оргвыводов – из дверей Политбюро – недалеко!

И ещё один «грех внутреннего характера» значился за Андроповым: Романов коварно совпал с ним взглядами на приоритет темпов роста производительности труда по сравнению с темпами роста заработной платы! Это выбивало почву из-под ног «реформаторов социалистической экономики»: ведь, если реализуется романовско-андроповская задумка, то и реформировать будет нечего! При всеобщем довольстве: «сыт, пьян и нос в табаке!» – «нас не поймут!» И «не поймут» обязательно! И чем тогда заниматься?! Ведь каждодневной рутинной лавров и скрижалей «не снискнёшь!» Да и на «внешний рынок» – в западный «калачный ряд» – с таким «лицом» не выйдешь! Потому что неоригинально: подумаешь – рост производительности труда! Вот, если бы что-нибудь глобальное – типа всеобщего... или хотя бы одностороннего разоружения! Вот тогда сразу же вознесли бы на пьедестал с одновременным и занесением в скрижали! Ибо, что за жизнь – без скрижалей и пьедестала?!

Подобно любому другому выходцу «из отсталых сельскохозяйственных регионов», Горбачёв с чёрной завистью наблюдал за тем, как размашисто шагает – по карте Союза и государственным планам – «индустриализатор» Романов. Ещё в бытность секретарём на Ставропольщине, Михаил Сергеевич честно скрежетал зубами от невыгодных сравнений. Ведь, если у него в Ставрополье не было никаких заслуг, кроме хорошей погоды и хороших земель, то Романов в своём климатически неблагоприятном Ленинграде дерзко выдвинулся за счёт НПО (научно-производственных объединений). Ни у кого не было – а у него было! И не на бумаге, не для приветственного рапорта Леониду Ильичу – а для выпуска товарной продукции!

Нет, Михаил Сергеевич тоже проявил инициативу – и даже не одну. Тут тебе – и «ипатовский метод по комплексному использованию техники на уборке урожая», и МХП (межхозяйственное предприятие по механизации и электрификации) – аналог МТС. Но лавров ни один из них не принёс – спасибо ещё, что обошлось без «шишек». А, вот, у «проклятого» Романова получилось! По его инициативе и под его жёстким контролем в Ленинграде было создано девять производственных объединений в составе сорока трёх предприятий и четырнадцати НИИ, проектно-конструкторских и технологических организаций. Такое «единение» позволило всем прежним де-юре смежникам, де-факто конкурентам работать «в одной упряжке» на единый результат.

Особенно неблагоприятно – с точки зрения Михаила Сергеевича – это сказало на положении дел в ВПК: «оборонка» стала благоприятствовать даже без режима благоприятства-

ния. Как итог: в Питер зачастили не только «маршалы оборонного комплекса», но и Маршалы Советского Союза. Авторитет Романова у них не смогла подорвать даже убойная, казалось бы – куда тому Геббельсу! – байка насчёт Таврического дворца. Обладателей погон с большими звёздами не занимал этот вопрос, даже если бы он и был вопросом. Личность Романова интересовала их исключительно в контексте «личности ракет и ракетоносцев». А Романов «давал плану» – и, значит, перманентно был хорошим и даже своим. Таким, каким Горбачёв со своим «надувным» «ипатовским методом» не мог стать даже теоретически!

Хорошо ещё, что Запад вовремя сориентировался в вопросе Романова и его непопулярной «самодеятельности на благо Советов»! Сориентировался в вопросе Романова – и переориентировался на Горбачёва. Пока никаких «прямых» дивидендов персонально Михаилу Сергеевичу эта «корректировка курса» не принесла – зато она кое-что принесла Григорию Васильевичу. И это «кое-что» было совсем не песенным типа «и много-много радости детишкам...»! Запад решительно подхватил «знамя борьбы с Романовым и романовщиной», высунутое из окопов «московскими доброжелателями» «ленинградского воеводы» – и все прогнозы относительно скорого будущего Романова оказались сродни метеорологическим: «совсем даже наоборот»!

Это и было то самое «кое-что». Ведь теперь Романова и на пушечный выстрел не подпускали к высокой трибуне. А Горбачёву – всегда: «Пожалуйста!». И неважно, что Горбачёв с этой трибуны «лепил горбатого»: важно, что «лепил» Горбачёв – а Романову было отказано от микрофона, а заодно и в доверии.

Другой на месте Романова утихомирился бы – и принялся, выражаясь словами одного шолоховского героя, «всячески угождать» начальству. Ну, с тем, чтобы его, в конце концов, поощрили высокой честью огласить приветствие в адрес «выдающегося политического деятеля современности». Но Романов не был бы Романовым, если бы встал в «хвост» очереди. Вместо этого, демонстрируя вопиющее неуважение к партийным... хорошо: номенклатурным традициям – он принялся в очередной раз «вызывать огонь на себя». То есть, вести себя вызывающе: опять вылезать с инициативами и прочей неуместной заботой о человеке! Романов опять решительно «не соответствовал»!

Вместо работы в Политбюро по восстановлению доброго имени, он принялся «завоёвывать дешёвый авторитет». Только по этой причине в Ленинграде впервые в стране появились комплексные планы социального и экономического развития. Дошло уже до того, что Романов «самодержавно обложил» ПО... нет, не матом: «социальным налогом». На производственные объединения нагроузили социальную инфраструктуру: ясли, детсады, детдома и прочие «источники дешёвого авторитета». Разумеется, авторитет «воспоследовал» – исключительно в силу «дешевизны». Отговорки сторонников «Первого»: «Кто вам мешает зарабатывать такой «дешёвый» авторитет?! – разумеется, были для Горбачёва всего лишь жалкими отговорками. Потому, что Михаилу Сергеевичу требовался разговор по существу, с принципиальным осуждением лёгких методов зарабатывания дешёвого авторитета. Советскому обывателю следовало объяснить, что партия делает всё возможно и невозможное – но невозможно сделать всё и сразу! А Романов, вместо того, чтобы объяснить народу невозможность сделать, «в пику» руководству партии и государству делал, а не объяснял!

Из «той же оперы» «происходил» – по Горбачёву – и романовский комплексный план жилищного строительства в Ленинграде. Нет, если бы это были планы а-ля Манилов, Горбачёв и не подумал бы осуждать Романова: сам – романтик. Но ведь Романов подвёл... нет, не народ: подвёл под романтизм плановую основу! А потом самым возмутительным образом обеспечил выполнение этих планов сроками, материалами и диктатурой обкома! По сути: надругался над мечтой! Оборвал сказке крылья – и сделал из «журавля высоких планов» «воробья квартирных метров»!

Как следствие – очередная порция «дешёвой» популярности: по романовскому комплексному плану в Ленинграде ежегодно вводилось в строй более двух с половиной миллионов квадратных метров жилья! За одну только десятую пятилетку (с семьдесят шестого по восьмидесятый годы) новоселье справили больше миллиона ленинградцев! «Нормативные» сроки ожидания жилплощади сократились в три раза! Опять Романов «вылез» «за счёт заботы о народе»! Опять – не в ногу! Опять – не вместе со всеми!

Того же «популистского» – с точки зрения Горбачёва – «наполнения» были и «все эти» крупные специализированные объединения по производству овощей, молока, а также промышленные комплексы по откорму крупного рогатого скота вкуче со свиноводческими комплексами.

В Ленинградской области диктатор Романов «насадил» промышленные методы и в сельское хозяйство! Устроил этакий «Агропром на дому»! Естественно, в результате этого неслыханного самоуправства область оказалась в состоянии полностью обеспечивать себя всеми основными видами сельхозпродукции! А это – в понимании Горбачёва – наносило ущерб сельскохозяйственным регионам, лишая их законных монопольных поставок в города-миллионники! О том, что это лишало Горбачёва шанса выдвинуться на поставках, и говорить было нечего!

Вот и получалось: вместо того, чтобы думать обо всей стране, Первый секретарь Ленинградского обкома думал только о себе: о Ленинграде, о Ленинградской области, о ленинградцах! Никакой широты взглядов! Никакого видения общегосударственных интересов! Удельный князь – и всё тут! То ли дело – сам Горбачёв: «за деревьями» многочисленных проблем Ставрополя он всегда видел «лес» ещё более многочисленных проблем страны! А поэтому и не разменивался на такие мелочи, как недостатки отдельно взятого региона! Потому что видел проблему в целом! Потому что охватывал всё сразу – и, мало ли, что не решал ничего в отдельности!

К сожалению – в который уже раз – Михаил Сергеевич вынужден был констатировать драматическое – и даже трагическое – совпадение взглядов Генсека и Романова «на проблему единственного выхода». Оба не идеализировали положение дел в экономике – и оба же нашли одинаковый выход из него: «повышение эффективности производства».

На уровне лозунга Горбачёв был готов согласиться с этой установкой. Конечно – мелко, ну да для начала пойдёт! Ведь, как говорил персонаж одной из миниатюр Райкина: «Ты запьёшь – другой подхватит!». Михаил Сергеевич был готов не только подхватить – но и развернуть этот скромный лозунг в целую компанию, а то и движение формата «Догоним и перегоним!». И то: чего мелочиться! Государственному деятелю нужен размах – и пусть злопыхатели намекают на аналогию с другой установкой: «Коль ругнуть – так сторяча, коль рубнуть – так, уж, сплеча!».

Из соображений конспирации не собираясь предавать гласности «содержимое себя», Михаил Сергеевич всё равно был приверженцем лозунга Бонапарта: «Главное – ввязаться в бой, а там видно будет!». Конкретные планы с их сроками и ответственностью за исполнение угнетали его – и «где-то даже убивали»! Планы ломали крылья мечте – и поэтому Михаил Сергеевич, где только мог, ломал планы!

А эти двое!.. При мыслях о них Михаил Сергеевич «зеленел от симпатии»: вот, уж, действительно, «рождённый ползать летать не может!». Как это пела Алла Борисовна: «Поднимись над суетой!»?! Так, вот, эти двое «ползали» и «суетились»! И настолько они «заземлились», что им даже некогда было взглянуть на звёзды! Михаил Сергеевич, например, только и делал, что глядел на звёзды. В том числе – на те, что на груди Леонида Ильича, за отсутствием таковых на своей груди!

А эти!.. «Прежде чем рваться вперёд с ускорением, надо подтянуть отстающие участки: сельское хозяйство, транспорт, сферу обслуживания»! «Задача текущего момента: последо-

вательное обновление основных фондов, реконструкция заводов»! «Надо исключить гонку за немедленным результатом!». Ну, прямо «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах!». Или эти... как их – гагары, которым «недоступно наслаждение бурей жизни», потому что, видишь ли, «гром ударов их пугает»! Вот, Михаила Сергеевича ничего не пугает! Потому что он берёт проблему в целом – и пусть говорят, что «ни за холодную воду»!

Да, товарищи, к сожалению – не «звёздные мальчики», а тутошные, «от сохи»! Не видят за деревьями леса! Судьбы каких-то, там, понимаешь, конкретных людей, затмевают им горизонт мировой революции... обратного типа! Надо, понимаешь, социализм обновлять – а они о брюхе заботятся, да и то – не о своём! Ну, как с таким подходом можно... подходить к семье цивилизованных народов?!

Перечисляя «несовпадения по причине совпадения», Михаил Сергеевич не уставал сокрушаться. За очередным поводом далеко и ходить не надо было: Афган и РСД. К очередному сожалению, и по Афганистану, и по американским ракетам средней дальности в Европе Андропов и Романов достигали консенсуса, формально и не достигая его. Прямо – сталинисты-милитаристы: никакого учёта интересов... Соединённых Штатов Америки! А ведь консенсус – это взаимные уступки... Советского Союза – Соединённым Штатам! Неужели это так сложно было понять?!

По разведанным – разведанным Горбачёвым в Политбюро – война в Афганистане стоила СССР три-четыре миллиарда долларов в год, помощь Польше – ещё один-два миллиарда. Вместе со снижением цен на нефть и срывом пуска 1-ой очереди газопровода Западная Сибирь – Ужгород потери к восьмьдесят пятому году ориентировочно должны были составить целых восемнадцать миллиардов долларов!

Вот на этой почве и следовало поискать консенсус! И ради этого консенсуса можно было пойти на любые жертвы... членов Политбюро и простых советских граждан! Консенсус того стоил: мы вам – Афганистан, Польшу и всё «чего изволите?» – а вы нам железные обещания по возможности учитывать наши интересы в приграничных с РСФСР... союзных республиках!

Горбачёв исходил мыслями – и говном – от них: «Вот, чем следовало заниматься во внешней политике! Вот чем – а не поиском очередного повода для зарабатывания дешёвого авторитета! Тем более что его и искать не надо: из пятисот пятидесяти тысяч наших «воинов-интернационалистов» в Восточной Европе сто тысяч не были обеспечены жильём. А на Родине компанию им решительно составляли ещё сто семьдесят тысяч таких же «безлошадных» семей! Романову только дай повод – и он тут же заболтает важнейший политический вопрос «земной конкретикой по жилью»! Ему только позволь – и он обеспечит эти сотни тысяч квадратных метрами!

«Мышиная возня»! А кто будет заниматься «конкретикой общей теории» разрядки международной напряжённости?! Кто внесёт прорывные предложения на переговорах – как бы ни хотелось некоторым обозвать их «односторонними уступками»?! Кто будет встраивать СССР «в хвост»... то есть, в новую систему международных отношений?! Кто будет учитывать интересы всех договаривающихся сторон, решительно отказываясь от сталинизма по отношению к партнёрам по переговорам?! Кто отважится не мелочиться на всякие, там, понимаешь, носители и боеголовки?!

Кто всем этим будет заниматься?! Романов?! Как бы не так: закопается в своих «квадратных метрах», как клоп в ковре! Никакого же глобального видения у человека: всё, понимаешь, о Союзе да о Союзе! А обо всех Соединённых Штатах... То есть, обо всех?! Обо всей Земле?! Нет, правильно сказал герой Леонова в фильме «Афоня»: «Нет у нас ещё всеобщей коммуни-кабельности!». Узко подходим к вопросу! Ведь как сказал герой уже другой киноленты: «Сейчас к людям надо помякше, а на вопросы смотреть ширше!».

А с романовским подходом мы далеко не уедем! Нет, конечно, бытовые вопросы и прочая мелочёвка, как то: повышение производительности труда, рост экономики, вал и качество – будут решены. Но как быть с вопросами глобального характера?! Ведь продолжать гонку вооружений уже невозможно: нет средств! Значит, что остаётся? Правильно: договариваться! А, если Соединённые Штаты не хотят договариваться – а договариваться с ними надо – значит, что? Ещё раз правильно: надо заинтересовать партнёра! А чем его можно заинтересовать? И снова правильно: заинтересовать его можно лишь одним, а именно переговорами на его условиях! И не надо говорить об односторонних уступках! Потому, что, если это и уступки – то уступки здравому смыслу!»

Михаилу Сергеевичу не требовалось озвучивать свои мысли – а Григорию Васильевичу подслушивать их: настолько это тайное было явным. Достаточно было один раз послушать Яковлева, чтобы услышать Горбачёва. В вопросах, как минимум, внешней политики, Михаил Сергеевич был даже не подголоском: голосом Александра Николаевича. Отсюда с неизбежностью следовал один-единственный вывод: «двум медведям в одной берлоге не бывать!» Оба «медведя» собирались «выселить» друг друга. Но, если «медведь Романов» шёл один, то «медведь Горбачёва» следовало «выселить» вместе с «медвежатами!» Поля для консенсуса не оставалось уже потому, что его никогда и не было. Ведь никогда не было «державника Горбачёва»: всегда был «общечеловек Горбачёв», до поры до времени «маскирующийся под порядочного человека», как сказала бы героиня «Бриллиантовой руки».

«За деревьями» «в лице» Горбачёва, Яковлева иже с ними Романов не мог не видеть «леса» куда более серьёзных проблем. Горбачёв был лишь их олицетворением на самом верху. Он являлся вершиной пирамиды, а правильнее сказать: «вершиной айсберга». Хотя и «подводная часть» была таковой лишь условно. Советское общество давно уже разделилось на классы по имущественному признаку и отношению к власти. И эти классы не имели никакого отношения к марксизму-ленинизму с его делением на пролетариат, крестьянство и прослойку «из» интеллигенции! Новые классы образовали те самые выходцы из народа, о которых на законных основаниях пелось «вышли мы все из народа – как нам вернуться в него?».

Это всё были дети номенклатуры и её неизменного спутника «в лице коммунизма в отдельно взятой семье». «Отрыв от народа – и падение!» – это для романа. А в жизни всё не так: отрыв от народа – и противопоставление себя народу! Противопоставление для последующего постановления – уже над народом! Потомки старых коммунистов трансформировались в новых буржуа. А ведь ничего закономерного в этом не было – если, конечно, не считать закономерным время правления Хрущёва и Брежнева! Именно при них «народ распустился». Хотя и Иосиф Виссарионович тоже «вкупился» пакетами из спецбуфетов.

А всё – неправильная интерпретация «партийно-библейской» установки «кому много дано – с того и много спросится!» Для начала «телегу» поставили впереди «лошади»: «с кого много спрашивается – тому и много даётся!». Потом дошла очередь и до содержания глагола «даётся». И, мало ли, что изначально, по замыслу авторов, оно подразумевало лишь властные полномочия! Властные полномочия – но никак не эквивалент «палат каменных», которые «не наживёшь от трудов праведных»!

И, вот под глагол «даётся» и пошло «даваться» и «браться»: в спецбуфетах, в пакетах, в конвертах, из рук в стол, из рук в руки! Иногда то, что «давалось» и «бралось», не влезало не только в стол, но и в полуторку ЗИС. Под этот глагол начали сквозь пальцы смотреть, вначале на небольшие отступления от норм, потом – на большие. А потом нормы для «некоторых, облечённых повышенным спросом», и вовсе «приказали долго жить»!

И в отдельно взятых квартирах досрочно, с перевыполнением всех мыслимых и немыслимых планов, наступил коммунизм! Только жить в нём стали совсем даже не коммунисты: всё то небольшое коммунистическое, что было в них, они давно израсходовали на пути создания «материального базиса коммунизма для отдельно взятой личности»!

Внутриобщественные изменения оказались настолько масштабными и серьёзными, что в их результате образовался «горючий материал»... для «фитиля» с Запада. Осталось только поднести его, чтобы полыхнуло. И Горбачёв, с точки зрения Романова, подходил на роль факельщика по всем параметрам. С точки зрения «фитиля с Запада» – и подавно. И, ладно, если бы новые буржуа были «национально ориентированными»: какие-никакие – а всё патриоты! Та, ведь – нет: они и переродились «западниками», и Запад не оставлял их без своего руководящего участия. Самое неприятное: при всей своей разобщённости по причине «культы личных берлог», эту публику составляли единомышленники, готовые в любой момент своё формальное единение дополнить организационным.

Андропов – и в этом Романов был убеждён «на все сто» – не был способен на «наш ответ Чемберлену». Ну, вот, не мог он дать его! Не мог – да и не очень хотел: «демократическая червоточинка» в нём, таки, имелась. А тут ещё на личностный фактор наложился системный. Точнее: на грехи одного – грехи другого.

Новые вызовы требовали новых ответов, но имеющаяся система власти была не только неадекватной новым условиям: она и со старыми не справлялась. Партия и страна привыкли жить в условиях торжества... нет, не коммунизма: лозунгов о торжестве коммунизма. Народ потерял бдительность и навыки классовой работы с классовыми врагами: с теми самыми вчерашними коммунистами – а сегодняшними буржуа. Эта публика тоже была не готова. Только неготовность её была иного рода. Если народ не готов был к борьбе с ней, то она в борьбе с ним не готова была ограничиться только «экономическими преобразованиями»: рушить – так «до основанья», в точном соответствии с «рецептурой» партийного гимна! На языке ревизионистов всех времён и народов это всегда называлось «одновременность преобразований политической власти и экономических отношений».

Сегодня у этих людей была не только программа действий, но и её проводник: Горбачёв. И, поскольку они не собирались церемониться с коммунизмом, коммунист Романов не собирался церемониться с ними. Ну, вот, не имел морального права! Но «убивать Горбачёва и горбачевых» полагалось «нежно», с соблюдением внешних приличий и норм «техники безопасности». То есть, исключение из жизни – и не только партийной – этих «товарищей господ» следовало подготовить и осуществить так, чтобы «раненых» не оставалось! Это – и негуманно, и небезопасно! Да и не по-хозяйски это: отвлекать материальные ресурсы и самим отвлекаться на «добывание раненых»... то есть, на устранение недоработок!

Под эту мысль Григорий Васильевич в очередной раз «удручился на законных основаниях»: нужны были верные люди. И не для того, чтобы увеличить партаппарат для усиления контроля за выполнением планов: для того, чтобы подготовиться к достойной встрече «ползучей контрреволюции». А в том, что она будет именно «ползучей», Романов не сомневался: Горбачёв – не из тех, кто «ударяет в штыки» под установку «Коммунисты – вперед!»...

Глава шестая

Михаил Сергеевич «тоже любил» Григория Васильевича. Как не самый последний дурак, он понимал, что с Романовым в своё время явно недоработали. Романов «притворился убитым» – а в действительности оказался «раненым медведем», куда более опасным даже шатуна! Да, Горбачёв отдавал должное авторам и исполнителям «куплетов о Таврическом дворце»: они своё «прокукарекали» на высоком идейно-художественном уровне. И по линии установки «не пропадёт наш скорбный труд» тоже, как будто, особых нареканий не имелось. Запад «подыграл» и даже «подпел», Кремль тоже последовал рекомендациям Высоцкого: «И словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам – А беззубые старухи их разносят по умам!».

Тут бы и произвести «выстрел жалости» – он же «контрольный выстрел»! Но, увы: сказались дефекты времени – «в лице» ещё недостаточных дефектов здоровья Леонида Ильича. На заключительном этапе его «героической жизни» Романова без проблем удалось бы «пристроить на теплое» – и даже горячее – местечко... где-нибудь в тропической Африке! Там Григорий Васильевич оперативно предал бы забвению свои nepзволительные амбиции – пока тут предавали бы забвению самого Григория Васильевича!

Но Леонид Ильич вдруг проявил несвойственную ему мягкотелость. Он – тот, кто без сомнений и угрызений отправил в политическое небытие Шелепина и Воронова, Полянского и Шелеста, Егорычева и Ефремова – вдруг отказался «перезарядить ружьё»! Не усмотрел в Романове соперника, равноценного «демонтированному» Шелепину? Или решил, что в результате «профилактических мероприятий» Григорий Васильевич полностью «санирован» и «оскоплён»? Или надумал сохранить «немножко убитого» Романова в качестве примера, который «другим – наука», а то и пугала?

Как бы там ни было, а Романов уцелел. Да, ему «ампутировали» поползновения вместе с иллюзиями. Вернее: подумали, что «ампутировали», поскольку Григорий Васильевич тоже подумал – и не подумал «выступить с опровержением». Он поступил умнее: «построился в затылок». И не в затылок Леониду Ильичу, дабы того не шокировали слишком шумное дыхание: затесался в толпу... членов Политбюро. После такого «слияния с окружающим фоном» противникам Романова уже не имело смысла тратиться на переубеждение Леонида Ильича: вопрос Романова тот считал решённым раз и навсегда!

И Григорий Васильевич «оправдал надежды»: не высывался, славословил и рукоплескал «в общем хоре». Ни разу он не покусился не то, что на место Леонида Ильича: даже на формат регалий! Это Николай Второй мог удовлетвориться оскорбительной концовкой «и прочая, и прочая, и прочая» после минималистского перечня «трудовых заслуг» из «Император и Самодержец Великия, Малыя и Белья Руси, Царь Польский, Великий князь Финляндский»! С Леонидом Ильичом такие номера не проходили.

А Григорий Васильевич и «не пропускал такие номера». Поэтому и в его трактовке Леонид Ильич всегда шёл как «верный продолжатель великого ленинского дела, крупнейший политический деятель современности, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев». Это была такая «песня», из которой «выкинуть слово» – всё равно, что выкинуть себя из жизни!

В том числе, и поэтому Леонид Ильич «отпустил» ему все его преступления: и nepзволительную молодость, и затмение сердца при виде «эполет, наряда юности задорной», и настораживающий факт прописки в конкурирующей столице – и прочая, и прочая, и прочая! Вот здесь Леонид Ильич позволял себе – заодно требуя от других – ограничить перечень. Грехов, аналогичных перечисленным, за Романовым значилось немало, но все они перекрывались одним бесспорным достоинством Григория Васильевича: товарищ не умышлял!

Меньше всего в недоработке Михаил Сергеевич мог упрекать себя: в те годы он был ещё «политический младенец». Хотя даже, глядя со ставропольской горки на вершины Кремля, он чувствовал мысли Романова: «Высоко сижу, на тебя гляжу!». От мыслей Романова уже по коже Горбачёва бежали мурашки с кулак величиной! В его представлении Романов было сродни той неведомой силе, которая в сказках обычно скрывалась «за псевдонимом дорожного указателя»: «Прямо пойти – убиту быти!».

Хотя эту угрозу, по твёрдому разумению Михаила Сергеевича, следовало отнести на левый фланг. В его представлении Романов был «непроходимым марксистом», не способным ощутить всей прелести «общечеловеческих ценностей» и приобщения к таковым Советского Союза.

Поэтому сам он «двинул правее». И не только потому, что «цел будешь», но и потому, что «своим будешь»! «Своим среди своих»! На том фланге обосновалось много разного народа. Точнее, это народ был разным – а мысли у всех были одинаковыми: либерально-демократическими. Особенно много такого народа ошивалось вокруг Юрия Владимировича Андропова. И Горбачёв сделал выбор: «Значит, нам – туда дорога!». Юрий Владимирович не остался в долгу: оценил не только кавминводские реверансы ставропольского Первого, но и массу полезной информации, полученной от того на соседей и даже кремлёвских гостей.

Кроме того, и взгляды у Горбачёва были правильные: андроповские – за отсутствием собственных. Такому человеку нельзя было не порадеть: классический «родной человек»! И Юрий Владимирович порадел: именно он познакомил Леонида Ильича с распорядителем минеральных вод и заповедных кабанчиков. Леонид Ильич предпочитал отдыхать на юге – но Юрий Владимирович так профессионально отработал зазывалой, что Генсек позволил себя зазвать. Зазывал Андропов Леонида Ильича, разумеется, не на кабана, а на Горбачёва. Хотя ради такого дела Михаил Сергеевич и сам был готов поработать кабаном – и даже оказаться немножко подстреленным, только бы доставить удовольствие Генсеку!

Леониду Ильичу понравилось всё: и привязанный к дереву кабан, и согласный быть привязанным вместо него Горбачёв, и присутствующие у Михаила Сергеевича слова, и отсутствующие у него же мысли. Уезжал Генсек не только с воспоминаниями, но и с памяткой на Горбачёва.

В очередной раз Михаил Сергеевич мастерски продемонстрировал свою наиболее сильную сторону: умение понравиться. А он действительно умел понравиться! И как умел: варьируя подходы и даже жертвуя здоровьем! Так, с непьющим Леонидом Ильичом Михаил Сергеевич налегал на минералку – а с пьющим Федором Давыдовичем «мимикрировался» стаканами до бесчувственного состояния.

Оказавшись в Политбюро, Михаил Сергеевич первым делом «сориентировался по месту». Народ ему, в целом, понравился своей дружной... разобщённостью: классические «пауки в банке». Здесь явно не в ходу был мушкетёрский лозунг «Один – за всех, и все – за одного!». Разве, что – в такой интерпретации: «Один – на всех, и все – на одного!». Народ разбился по «кружкам интересов». Но, сознавая верность установке «в наш тесный круг не каждый попадал», Михаил Сергеевич не стал «разбиваться». Для начала он решил не «примыкать», а всего лишь «тяготеть». Ведь это там, «на равнине», ему казалось, что Андропов – гора. Но здесь, на Олимпе, этот «Эверест» вполне мог оказаться какой-нибудь «Валдайской возвышенностью».

По счастью, Юрий Владимирович не обманул его... ожиданий. Он оказался не только тем, но и «с походом». Михаил Сергеевич довольно «гладил себя в душе»: верную ставку сделал. Поставил на то, что нужно! Оставалось лишь убедить Юрия Владимировича в том, что и тот не ошибся со ставками. В итоге «они нашли друг друга» – и вскоре «подмастерье» уже выбился в «подручные».

И всё было бы хорошо, если бы не многочисленное нехорошее! Не всё оказалось ровно и гладко: «оврагами» – и не на бумаге – квалифицированно отработывали многочисленные «старперы»: Тихонов, Черненко, Устинов, Гришин. Не отставало от них и молодое – под шестьдесят – поколение: Щербицкий, Романов, Алиев. Особенно не понравился Горбачёву Романов. Если все остальные были всего лишь всего лишь «соперниками в борьбе за медали»... и ордена – то этот был идейный враг! Идейный враг – потому что даже идейный. В наше время даже как-то неприлично быть таким идейным – а этот наплевал на приличия... и Горбачёва. При каждой встрече с Григорием Васильевичем Михаил Сергеевич чувствовал себя... «белым» офицером на допросе в ЧК! Но самое неприятное заключалось в другом: несмотря на все заверения в том, что Романов – это «потухший вулкан», Горбачёв с ужасом ощущал толчки и наблюдал «курящийся над вершиной дымок».

Один только Громыко и симпатизировал Горбачёву. Ну, так, как это и должно было быть: «цивилизованный человек», образованный... Европой и Америкой. С большим трудом удалось нейтрализовать Устинова: пришлось задействовать его друга – и своего покровителя – Андропова. А все остальные, в той или иной мере, «продолжали не соответствовать».

В итоге, поводов хватало, как для радости, так и «совсем даже наоборот». Утешало лишь то, что окружение Юрия Владимировича «соответствовало»: радовало «по полной». Оно являлось «родным домом» не только Михаилу Сергеевичу, но и любому другому космополиту... то есть, коммунисту-интернационалисту. Огорчало лишь недостаточное внимание окружения к Горбачёву... в сравнении с Андроповым. Окружение было занято: оно «делало короля». Поэтому «чёрное дело» – как своё, так и Михаила Сергеевича – окружению приходилось делать в свободное от основной работы время. Под это «чёрное дело» оно с Михаилом Сергеевичем мечтало о светлом будущем, которое не только не было коммунизмом, но и было не для коммунизма. В этом светлом будущем ни коммунизму, ни коммунистам не оставалось места.

А на работе приходилось ежедневно «вставать под знамя». Михаил Сергеевич настолько привык к существованию «в условиях подполья», настолько сроднился с маской большевика, что даже перестал бояться «перепутать тексты». Язык и мысль его работали параллельно – но в разную сторону. Коммунистом Горбачёв был на манер «заводного органчика» в голове одного из глуповских градоначальников – а, вот, демократом, он был настоящим. Правда – ещё не сформировавшимся. Демократических составляющих в нём было пока всего две: любовь к Западу – и нелюбовь к Союзу. Но Михаил Сергеевич работал над собой – посредством работы над другими, теми, которых надлежало «отработать окончательно».

К «финальной сцене с участием Леонида Ильича» Михаил Сергеевич подошёл не только в ранге полноправного члена, но и в качестве ближайшего соседа новоизбранного Генсека по почётному караулу. «Почётно караулили» Леонида Ильича они с Юрием Владимировичем почти рука об руку, не смущаясь тем, что мозолили этой «смычкой» глаза большинству членов Политбюро из числа соседей по караулу. Особенно старательно Михаил Сергеевич примыкал к Юрию Владимировичу, когда попадался на глаза Романову. Очень не понравились ему эти глаза: они были настроенными на работу – в том числе, и с ним, Горбачёвым! Вот, тебе – и «потухший вулкан»!

Разумеется, Михаил Сергеевич немедленно обратил внимание патрона на несоответствие образа сегодняшнего Романова канону. Ну, то есть, Романову образца второй половины семидесятых. Товарищ явно выходил не только за рамки приличий, но и за рамки образа! Ещё неизвестно, куда это могло его завести! Вернее – очень даже известно! И не только его, но и их с Андроповым! (Юрия Владимировича Горбачёв специально пристегнул к себе в качестве «убойного довода». Ну, чтобы Генсек быстрее настраивался на работу с «умышляющим» Романовым).

К сожалению, меры, предпринятые Андроповым в отношении ленинградского «бунтаря», оказались полумерами. Конечно, то, что Андропов послушался совета Михаила Сер-

геевича насчёт отрыва Романова от питерских корней – это было хорошо. Это было доброе и нужное дело. Но это дело было... полдела! Выдвигать Романова следовало, задвигая его до невозможности! А патрон вдруг поставил Романова на ВПК! Это же – всё равно, что пустить козла в огород!

Но у Андропова нашёлся железный контрдовод: «А кто работать будет?». Намёк был настолько прозрачный, что Михаил Сергеевич предпочёл тут же уйти от обсуждения персоналий. Ведь сам он был специалистом по вопросам общего руководства – но не по занятию конкретными делами. Вот, и пришлось согласиться с опасным соседством. Правда, Юрий Владимирович, словно в компенсацию за бестактный намёк, заверил Михаила Сергеевича в том, что соседство недолго будет опасным. Хотя бы по тому, что оно недолго будет соседством. Как только Романов поставит дело – и в ВПК, и в машиностроении – Юрий Владимирович тут же обещал отблагодарить его... бессрочной «турпоездкой» в одну из жарких стран. То есть, «Дело Брежнева живёт и побеждает!». А так как дело Романов поставит очень быстро – как «мастер на такие гадости» – то конца соседства оставалось ждать совсем недолго.

Заверения патрона дали возможность Михаилу Сергеевичу целиком переключиться с неблагоприятного сельского хозяйства – его, сколько ни поднимай – всё равно не поднимается! – на вопрос «окончательного решения вопроса Романова». Ну, а дальше – как и положено, больше: «окончательное решение вопроса Романова» позволяло бы перейти к «окончательному решению вопроса ущербной социалистической экономики и командно-административной системы в целом».

Именно в этом Михаил Сергеевич и видел свою историческую миссию: на меньшее он не был согласен. Де-юре коммунист и де-факто демократ, Михаил Сергеевич был ещё и анархистом. И не немножко – а «множко»! Потому что с анархистами его роднило главное: разрушение! Как и анархисты, неспособный к созиданию Горбачёв избрал себе – и стране – удел разрушителя! Здесь он был вне конкуренции – несмотря на то, что конкуренция в этом деле была, как в театральные вузы Москвы!

Разрушать Горбачёв умел. И не только потому, что «ломать – не строить». На то, чтобы ломать – тоже нужен талант. Потому что ломать можно по-разному. После некоторых поломок восстановить поломанное – раз плюнуть. Горбачёв был не таким. Он был настоящий мастер: после него на руины следовало приходить не с инструментом, а с венком «от скорбящих родственников». Горбачёв всё делал на века. То есть, и через века «сделанное Горбачёвым» не подлежало восстановлению ни в каком виде! А сколько ещё скрытых возможностей таилось в нём! Сколько было нереализованного потенциала... творческого разрушителя!

Именно так: творческого, потому что процесс разрушения Михаил Сергеевич поднял до уровня творчества, так как подходил к нему именно творчески! Этот творческий подход состоял в том, чтобы никто до самого «финального свистка» и не догадывался о том, что в качестве «строителя коммунизма» закапывает этот коммунизм не хуже того «проклятого капитализма»! Процесс разрушения Горбачёв намеревался искусно маскировать поисками «нового лица». А маскировать он умел: поиски эти всегда заканчивались тем, что «найденное лицо» некуда уже было монтировать. Потому что «до основания» – и лишь «... а затем»!

Нет ничего тайного, что не стало бы явным – особенно когда и не таишь его. «Творческий подход» Горбачёва живо заинтересовал «больших друзей бывлой России». На Западе Михаила Сергеевича заметили – и оценили. Почти – как героя той песни: «Там, на шахте угольной, паренька заметили, руку дружбы подали, повели собой». Михаилу Сергеевичу тоже протянули «руку дружбы»... за счёт Советского Союза – и тоже повели с собой. Долго вести не пришлось: Горбачёв завёлся с пол-оборота. В итоге стороны нашли друг друга так быстро, что и искать не понадобилось! Михаил Сергеевич с его геростратовскими мыслями немедленно пришёлся по сердцу «друзьям вчерашней России». Там сразу увидели, что после реформ Гор-

бачёва этому жалкому Герострату останется лишь одно: воскреснуть только для того, чтобы тут же удавиться от зависти!

Там Михаил Сергеевич не таил себя не только по причине длинного языка, но и потому, что он хотел быть услышанным! И не только услышанным – но и понятым! Так оно и случилось: его слышали и поняли. «Насквозь» поняли! Да и как было Западу не понять собственных чаяний! То, на что, как вода в песок, уходили десятки лет и сотни миллиардов долларов, шло в руки «по плану очередной пятилетки» и за классические «тридцать сребреников»! «Товарищам с братского Запада» оставалось лишь не пустить это дело на самотёк, параллельно с этим пустив «козла Горбачёва» «в огород Советского Союза».

Именно там и родились слова «ускорение» и «перестройка», которые Горбачёв уже в ближайшее время намеревался использовать в качестве дымовой завесы для обеспечения успеха любимого созидания: разрушения.

Именно там Горбачёву и порекомендовали «коллектив единомышленников» – не столько Горбачёва, сколько Запада. И среди них – такие зубры антикоммунистического подполья в недрах коммунистического Олимпа, как Яковлев, Медведев, Арбатов, Бовин, Шахназаров. Этим «товарищам господам» надлежало окружить Михаила Сергеевича всесторонней заботой – да так плотно, чтобы он уже и не вырвался из этого окружения! Надо отдать должное Горбачёву: он и не пытался.

Да, планы – пока только на уровне мыслей – у Михаила Сергеевича были наполеоновские, то бишь, геростратовские. Он хотел «вернуть Россию в лоно цивилизации» – а для этого требовалось разрушить «ущербную» государственность русского народа. Отсюда: вся настоящая – и будущая – деятельность Горбачёва могла быть только одного свойства. Он ещё не решил, как назовёт это мероприятие – хотя на Западе уже решили, и не спросив его! – но, в любом случае, это было бы не попыткой выхода из кризиса, а обострением кризиса до предела с целью развала «казарменного социализма» и замены его «свободным капитализмом». Такая цель была у заказчиков – единомышленников в интерпретации Горбачёва, такая цель была и у самого Горбачёва!

Разумеется, подобными замыслами Михаил Сергеевич не счёл возможным делиться даже с Юрием Владимировичем: тот, в его представлении, был всего лишь «демократствующим сталинистом». Юрий Владимирович не приветствовал бы столь «радикального обновления социализма до его полного исчезновения». Узнай он о планах своего протеже – и Михаил Сергеевич сам исчез бы задолго до полного исчезновения социализма! Потому что «дружба – дружбой, а „коммунистический гусь“ „капиталистической свинье“ – не товарищ!».

Поэтому Горбачёв поделился мыслями – и прочими сведениями с грифом «Совершенно секретно! В одном экземпляре – для члена Политбюро!» – только с единомышленниками... из Вашингтона. Нет, с единомышленником из Оттавы он тоже поделился: с Яковлевым. Правда, сам Александр Николаевич поделился с ним единомыслием ещё раньше – когда де-факто вербовал Михаила Сергеевича на службу общечеловеческим ценностям в лице их главного выразителя – администрации Белого дома.

Именно благодаря протекции Яковлева, «там» мысли Горбачёва нашли вполне пригодными для доработки их в планы – и поставили секретаря ЦК «на учёт» и «на довольствие».

Заодно с постановкой «на учёт и довольствие» Михаилу Сергеевичу поставили первую задачу – она же задача номер один: нейтрализовать Романова. Горбачёв поостерёгся снисходительно фыркать при упоминании этой фамилии – и правильно сделал: «за бугром» к личности Григория Васильевича относились не так легкомысленно, как в Москве. Тамошние советологи и прочие советчики предостерегали заказчиков от чрезмерного энтузиазма по поводу сегодняшнего положения и ближайших перспектив Горбачёва. Да, парень был перспективным – но не следовало забывать о том, кто мог сделать эти перспективы достоянием прошедшего времени.

На Западе тоже считали, что с Романовым в своё время недоработали. Но себя Запад винил – и вполне заслуженно – меньше всего: он сделал, всё зависящее от него для того, чтобы Кремль сделал, всё зависящее уже от него. И не его вина в том, что Кремль сделал много, но не всё. Не только не всё, что нужно – даже не всё, что можно!

Поэтому в первоочередном порядке «агент Горби» должен был решить проблему Романова. То есть, сделать Романова проблемой – и проблемой для всех – и устранить эту проблему. Вместе с Романовым. Задача была нелёгкая – но ведь «большевики не ищут лёгких путей»! Даже – большевики «только по паспорту»! «Горби» посоветовали не стесняться в выборе средств – средства представлялись Западом – поскольку Романов, не понимая «человеческого языка «общечеловеков», понимал только «язык бесчеловечных патриотов-большевиков». А так как «бесчеловечность» шла на пользу всего человечества, то международный империализм снимал грех с души Горбачёва – и перекладывал его на свою.

Только перекладывать не пришлось – за отсутствием греха на душе Михаила Сергеевича. Сельскохозяйственный секретарь не считал грехом устранение препятствия на пути к светлому будущему... отдельных лиц. И такую верность общечеловеческим ценностям – минус ценность отдельного человека – Запад мог только приветствовать.

Но... Ох, уж, это «но»! А всё – потому, что, в который уже раз: «Гладко было на бумаге...»! Михаил Сергеевич «извертелся на пупе», отпихивая Григория Васильевича подальше от председательского стула – а воз был и ныне там! В смысле: стул Романова. Да, сам Горбачёв в последнее время оказывался впереди Романова – но ведь и тот не оставался в хвосте! Больше того: Романов находился во второй «пятёрке» самых авторитетных членов Политбюро! Нет, он не возглавлял её – там не было мушкетёров! – но никто и не оспаривал его первенства! В неофициальной табели о рангах (всё чаще пренебрегая нею) Горбачёв шёл следом за Андроповым, Черненко, Тихоновым, Устиновым, Гришиным и Громыко – но ведь Романов шёл следом за Горбачёвым! И это – при том, что он не опирался ни на кого из «старослужащих» Политбюро! Да ещё – после того, как его уже однажды наделили участью сброшенного с Олимпа Гефеста! И, в отличие от «поумневшего» Гефеста, Романов всё ещё продолжал «хромать не в ногу»!

Не мог не пугать Горбачёва и такой факт: все те, кого он сейчас «замыкал», никак не притязали на «кавказское долголетие». Андропов и Черненко, с точки зрения медицины, представлялись – да и являлись – «вовсе не жильцами»: пара лет на обоих. Тихонов в классификации Горбачёва не поднимался выше «старого хрена»: девятый десяток пошёл – а, значит, вопрос почти ясен. Устинов и Громыко тоже не притязали на чин «добра молодца»: каждый соответствовал установке «всё может быть» – и в любое время! Гришин также не оставлял без работы Кунцевскую больницу. И получалось, что в самое ближайшее время Михаил Сергеевич мог остаться один на один с этим негодяем Романовым! С тем самым негодяем Романовым, который, словно задался целью не соответствовать ожиданиям – зато соответствовать одному шолоховскому герою с его установкой на то, что «меня никака причина до самой смерти не возьмёт!»!

И на кого ему тогда оставалось рассчитывать? «Удельные князьки»: Щербицкий, Кунаев, Рашидов – наверняка примкнут к Романову: «одного «тоталитарного» поля ягоды! В этом плане можно было рассчитывать лишь на одного Шеварднадзе, да и того надлежало «выковыривать из панциря»: наученный жизнью, парень старательно маскировался под несгибаемого большевика. Хотя что-то «общечеловечье» из Шеварднадзе уже проглядывало. Надо было лишь направить его энергию на конструктивную работу... с деструктивными планами.

Не «обюрокраченные» – не члены Политбюро – секретари ЦК – тоже являлись потенциальной вотчиной Романова. Особенно «нехорошо выглядел» Зимянин: партизан, подпольщик, «красный» до мозга костей! Этот примкнул бы к Романову, не задумываясь! Да и персонажи типа Долгих и Капитонова вряд ли были лучше. Вот и выходило, что с Секретариатом требова-

лось разобраться сразу и навсегда! Именно так: с Секретариатом, а не с отдельными его секретарями! Эту структуру надо было решительно выводить за штат – так, как «выводят в расход»!

Но «головной болью номер один» Михаила Сергеевича оставался Романов! С этим человеком консенсуса не могло быть хотя бы потому, что не могло быть никогда (спасибо Антон Пальчу за верное определение!) Думая о нём, Михаил Сергеевич всегда чуть слышно «поминал матушку»: крепкий мужик, Романов и слова заслуживал исключительно крепкие.

С учётом всех имеющихся недостатков – достоинств в редакции противников – Михаил Сергеевич рассматривал Григория Васильевича даже не как «медведя номер два на одну берлогу». Это было бы слишком просто. По причине упрощённого подхода, как к ситуации, так и к личности Романова. Романов был для Горбачёва не просто конкурент: он был враг. Враг всем замыслам Горбачёва. И, как иначе: если Горбачёв – враг тоталитарной системы, а Романов ей – «друг, товарищ и даже брат», то и по отношению друг к другу они могли быть только врагами!

В последнее время Михаил Сергеевич всё чаще примеривал себя к Романову, а Романова – к себе. «Примерка» не требовала чрезмерных усилий: как говорят в спорте, «противники уже хорошо изучили друг друга». Результат «примерки» был неоднозначным. С одной стороны, то, что Романов понимал сущность Горбачёва, было неплохо: не приходилось тратить на просвещение товарища. Но, с другой стороны, вместо этого приходилось всё время оглядываться: не стоит ли Романов за спиной с рукой, занесённой отнюдь не для дружеского похлопывания по плечу?! Михаил Сергеевич не сомневался в том, что «предстоящий в скором времени финал» Юрия Владимировича явится для них с Романовым своеобразным «выстрелом стартового пистолета». Соседи по столу в Политбюро будут самонадеянно полагать себя «тоже участниками забега» – в действительности бежать будут только они с Романовым! А «политическая массовка» будет играть народ!

Погордившись немного за самого себя, Михаил Сергеевич обычно тут же отставлял высокомерие, как неуместные эмоции. Члены Политбюро – не массовка. Да, когда-то он их всех «уест». По большому счёту, они ему – не помощники. И не только в силу возраста и прочей немощи. Они – выкормыши социалистической системы. Рука на систему у них не поднимется. А ему надо, чтобы она не только поднялась, но и опустилась! И опустилась ровно столько раз, сколько потребуется для разрушения системы в пыль! Ему нужны были руки молодые, беспощадные и «где-то даже безмозглые»! Не единомышленники – так исполнители! Для начала сошли бы и «попутчики» – но большинство сидельцев в Политбюро и на эту роль не годилось.

Но этот взгляд Горбачёв обоснованно полагал взглядом из будущего, и даже забеганием вперёд. Пока он – даже не в председательском кресле, несмотря на робкие попытки немощного Андропова пристроить его туда. «Товарищи старые пердуны» – с молчаливого согласия относительно молодых – предпочли ему «старого пердуна» Черненко! Пришлось глотать пилюлю и выносить оскорбление. Ведь, если бы он не вынес, то его тоже не вынесли бы – хотя, ещё, как вынесли бы: ногами вперёд! И, не исключено, что – не только из политической жизни!

В «посажении» Черненко Романов не проявил активности, но это не значило, что он проявил равнодушие. Мужик просто верно «прикинул расклад»: как и Горбачёву, ему было ещё рано совершать резкие движения. Но в том, что работа в этом направлении – в части накопления сил, компромата и «лопат для земляных работ под Горбачёвым» уже ведётся, Михаил Сергеевич нисколько не сомневался: сам – такой же! Сам он вёл такую же работу «по адресу» Григория Васильевича. Всё – как и полагается во взаимоотношениях товарищей по партии: разведка намерений противной стороны, накопление сил и их стратегическое развёртывание, рекогносцировка и «бои местного значения».

Горбачёву, совсем даже не болельщику, неожиданно вспомнилась строка из старой футбольной песни: «Главные матчи не сыграны!». Осталось только «слегка уточнить формулировку»: какое, там, сыграны, если судья ещё и не дал свисток на игру! Но «команды – уже

в раздевалке, и предматчевый мандраж – вместе с ними». От этой мысли – и под неё – «радужная оболочка» сама собой удалялась с лица Михаила Сергеевича: осознавала неуместность пребывания там...

Глава седьмая

– Разрешите, Михаил Сергеевич?

Александр Николаевич Яковлев льстил Горбачёву: это тому надлежало испрашивать разрешения. Потому что сам Яковлев не только прежде Горбачёва был зачислен Вашингтоном в ряды «идейных столовников»... то есть, «борцов с коммунизмом», но и считался там политической нянькой предбудущего Генсека. Однако хитромудрый советник ЦК «хитромудро» же исповедовал верность Екклесиасту: «всему – своё время!». Придёт время – и он укажет Горбачёву на место... столовника позади себя. А пока следовало мудро подыгрывать «самодержавным амбициям» Горбачёва, которого лично «дядя Сэм», да ещё на конкурсной основе, из большого числа претендентов, утвердил на роль Герострата.

– Входи, Александр Николаевич.

Горбачёва не смущало, что он «тыкает» человеку, много старше себя. Точнее, он даже и не подумал смущаться, потому что такая мысль и в голову ему не могла прийти. Михаил Сергеевич, хоть и был де-факто хамом по рождению и проявлениям, в данном случае не хамил: как истинный партийный чиновник, он не умел говорить подчинённым «Вы».

С нижестоящими он обращался так же, как с ним самим обращались вышестоящие. Ну, так, как это и было принято в номенклатурных отношениях между товарищами по партии: «Я начальник – ты дурак! Послужи с моё – и, глядишь, когда-нибудь дослужишься до „Вы“... но только не от меня!»

Яковлев с папкой в руке переступил порог, и молча уселся за Т-образной приставкой к столу. Он и не собирался приступать к разговору: знал, что Горбачёву надо дать возможность продемонстрировать исключительную занятость, а заодно и самому немножко отработать «всяким», которые «ходят, тут!».

Наконец, Горбачёв оторвался от бумаги, с которой явно работал в формате «гляжу в книгу – вижу фигу», и с миной измученного непосильным трудом бурлака уставился на гостя.

– Ну, что у тебя?

Яковлев щёлкнул застёжкой папки, извлёк из неё несколько листов бумаги, и молча протянул их Горбачёву. Михаил Сергеевич – тоже молча – веером развернул их, словно карточную сдачу.

– Что это?

– Последние данные по Романову.

– Какого характера?

– Производственного.

– Отрицательного плана? – моментально обнадёжился Горбачёв.

– Увы! – упал духом – и прямо на надежду – Яковлев.

Михаил Сергеевич немедленно склонился над бумагами. Лицо его немедленно же выдало на самого себя всю гамму чувств... из одной ноты: секретарь ЦК был «убит»... производственными достижениями Романова. Цифры не радовали Горбачёва – потому что радовали всех остальных. То есть, они были субъективно плохи исключительно потому, что были объективно хороши. Романов с подшефными отраслями преуспевал – а, значит, по-прежнему, «коварно умышлял».

Горбачёв медленно разогнулся – и ещё несколько секунд качественно убивался отсутствующим взглядом. Наконец, тот «вернулся в присутствие» – и съехал на лицо Яковлева.

– Полностью согласен с Вами! – решительно простонал Горбачёв, от избытка минора даже забыв «хама в себе». – Что Вы предлагаете?

Двум соучастникам не требовалось «лирического отступления» для перехода от усвоения материала к плану действий. В этом отношении оба являлись верными последователями дедуктивного метода Шерлока Холмса: опускали цепь рассуждений – и сразу же давали вывод.

Александр Николаевич не мог – да не хотел – скрыть удовольствие на лице: Михаил Сергеевич опять «соответствовал». Ему даже благодарно подумалось: не забыть бы проинформировать Вашингтон. Пусть оттуда «зашлют конфетку» и «авансом погладят по головке».

– Я думаю, Михаил Сергеевич, что нам самое время обратиться к совету заокеанских друзей.

– ???

– Не слишком разбирать дороги, которой мы пойдём... по Романову. В этом деле даже недостойные средства достойны!

Горбачёв задумался. Нет, не от избытка порядочности, каковой и на дефицит не набиралось: он всего лишь вспоминал, какие именно из недостойных средств они с Яковлевым ещё не использовали в светлом деле очернения Романова. Наконец, «что-то такое» промелькнуло.

– Вы хотите сказать...

– Именно!!! – решительно «захотел сказать» Яковлев, не позволяя делать то же самое Горбачёву.

– Но ведь это – даже не плагиат! – остался в рамках дедуктивного метода Горбачёв. – Это – какой-то самоплагиат!

Александр Николаевич снисходительно усмехнулся.

– Повторение – мать учения, Михаил Сергеевич!

Горбачёв не стал тратить на встречный взгляд – и вместо этого нервически забарабанил пальцами по столу. Нет, не потому, что «и хочется, и колется»: потому, что второго дубля может и не быть. К сожалению, в политике – как и в остальной жизни – всё идёт сразу в эфир. Но, поскольку Александр Николаевич упорно «косил» под декабриста в контексте установки «во глубине сибирских руд храните гордое терпенье», Михаил Сергеевич вынужден был махнуть рукой:

– А-а – запускайте в работу!..

– Верно, Михаил Сергеевич! – просиял Яковлев. – «Кашу маслом не испортишь!».

– Испортишь! – неожиданно трезво оппонировал Горбачёв, обычно сходу предающийся безудержному оптимизму. – Только попробуйте не делать этого...

Единственно возможным переводом установки было: «Попробуй только сделать это!» – и, как «опытный переводчик», Александр Николаевич не мог не вздрогнуть. Ну, а Михаил Сергеевич мог «на первый раз» удовлетвориться промежуточным результатом: он не остался непонятым...

...Григорий Васильевич вдруг стал замечать, что при его появлении некоторые «андроповцы» чересчур старательно «приглушали звук», многозначительно косясь на «товарища и даже друга». На то, чтобы установить причину, много времени Романову не понадобилось. Только информировали его не в Политбюро, а «этажом ниже»: в Генеральном Штабе. Начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза Огарков, в кабинете которого шеф ВПК Романов бывал, почти как у себя дома, по-солдатски не стал заходить издалека.

– Григорий Васильевич, по Кремлю и «окрестностям» опять загуляла байка о твоём якобы «загуле» образца семьдесят четвёртого года.

Романов был слишком живым политиком для того, чтобы мертветь лицом. Но и безучастным к этой информации его лицо не могло остаться. Поэтому черты его ожесточились, и цветовая гамма уменьшила число составляющих: цвет серый начал преобладать.

– Горбачёв...

– Больше никому! – с готовностью согласился Огарков. – Не понимаю только, зачем ему понадобилось ворошить «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»? Нет свежих идей, что ли? Или новое – это хорошо забытое старое?

– Да, нет, – покачал головой Романов. – Похоже, ребята выкатили пробный шар. Хотят посмотреть на то, как яотреагирую. А, вот, я хотел бы посмотреть на то, какотреагирует Андропов!

Огарков махнул рукой.

– Насколько мне известно – никак.

Маршал выдержал паузу – и многозначительно, соблюдая при этом «правила техники безопасности», покосился на Романова.

– И – ещё раз по поводу «никак»: я никак не могу понять, что такое Андропов?

– Это не так просто понять, – утешил друга Романов, успокаивающе похлопывая того по плечу. – Я и сам – не всегда «в курсе».

– «И вашим, и нашим»? – двинул бровью маршал.

– Примерно так.

Рука Григория Васильевича переключилась с плеча маршала на подбородок хозяина, то ли выдавая его непритворную озабоченность, то ли иллюстрируя процесс размышлений. Владелец множества граней – как и всякий человек-личность – Романов и сам был сразу же понятен только для непонятливых.

– Андропов, разумеется – коммунист. Это тебе – не Горбачёв, в котором, если и есть что от коммуниста – так это партбилет, да и тот – не в кармане пиджака, а в сейфе. Но Андропов – коммунист, если так можно выразиться, «с душком». С нехорошим «душком». С не нашим «душком». Не знаю, где он его набрался: то ли в Венгрии в пятьдесят шестом, то ли в КГБ за пятнадцать лет «знакомства с красивой жизнью» – но «душком» уже не пахнет, а разит! Для тебя, Николай Васильевич, разумеется, не секрет, что Андропов – ярый недоброжелатель Сталина?

– Не секрет! – немедленно осудил Генсека маршал, сам, как и Романов, иного мнения о Сталине.

– Но отношение к вождю – дело, как говорится, личного вкуса. Если, конечно, это не затрагивает основ. Вон, Долгих – тоже не из симпатизантов, но курса, в целом, придерживается верного. А есть и другие персонажи, вроде Горбачёва и Лигачёва. Я уже не говорю о Яковлеве. Но, если ненавистник Сталина Лигачёв – всего лишь из «обновителей социализма», то эти двое исходят говном не только при упоминании имени Сталина, но и при словах «коммунизм», «социализм», «большевизм», «Советский Союз»! Для них не Российская империя – «тюрьма народов», а СССР! Эти спят – и видят, как ввергнуть нас в пучину... мировой цивилизации!

Деятельная натура Романова не позволила ему усидеть за столом – и он отправился в путешествие по кабинету. Маршалу оставалось лишь провожать взглядом его маневры.

– К сожалению, Николай Васильевич, наш Генсек – не просто «коммунист либеральных взглядов». Он – партиец с червоточинкой и даже гнильцой! Подлинно большевистских убеждений у него не было и нет. Не знаю, что тому виной: то ли его полуеврейское происхождение, то ли извилины жизненного пути – но к своим семидесяти товарищ подошёл, как минимум, на треть, «господином»!

– Ну, это ты загнул! – снисходительно махнул рукой Огарков. – Андропов за социализм – горой!

– Горой, – не стал спорить Романов. – Вопрос лишь в том: за какой социализм?

– Не понял... – честно соответствовал заявлению маршал. Романов перестал «выписывать круги» – и склонился над Огарковым, приобняв того за плечи.

– Сейчас входит в моду утверждение о некоем «социализме с человеческим лицом».

Романов усмехнулся, и покачал головой.

– Как будто сегодняшней – с козлиной мордой!.. Да, так, вот: речь идёт не о «развитом социализме» и даже не о «социализме в основном». Речь идёт о «социализме» вроде того, что имеется сегодня в Англии, Швеции и так далее. Идею эту побрасывают Яковлев и его подголоски из окружения Андропова. А наиболее активным проводником её – правда, на неофициальном, кулуарном уровне – является Горбачёв. С трибуны этот хрен клянётся «в верности заветам Ильича» – а, сойдя с неё, готовится закопать Ильича вместе с его заветами так глубоко, насколько бур достанет! И Андропов понимает это! Понимает – и ничего не делает! Прямо, как тот король из сказки Шварца, при котором душили его жену: «Может, всё обойдётся?». Хотя – только ли «этот король» – наш Юрий Владимирович? Может, он и не возражает против того, чтобы «душили его жену»?!

Романов отпрянул от изумлённого маршала – и «вернулся на круги своя»: пошёл по кругу. Огарков, в силу занимаемой должности весьма далёкий от тайн «мадридско-кремлёвского двора», лишь недоверчиво покачал головой. Ему не верилось – но не верить Романову он не мог. Романов был для него единственным человеком «сверху», кто говорил абсолютную правду «минус приветственный адрес Леониду Ильичу».

– Так, что, Николай Васильевич, ты – не единственный, кто не понимает Андропова, – вернулся к похлопыванию по плечу Романов. – Но для нас с тобой сейчас уже не это – главное. Главное – то, что Андропов попустительствует Горбачёву. Умышленно или нет – но попустительствует. Думаю, что эта «дохлая утка» насчёт Таврического «оживлена» не Андроповым, но с его ведома. Или хотя бы с молчаливого согласия.

– То есть, ты не станешь обращаться к Андропову? – догадался Огарков.

– То есть, я не стану обращаться к Андропову, – соответствовал догадке Романов. – И не об Андропове нам сейчас надо думать, Николай Васильевич, а о Горбачёве. И не в плане борьбы за власть: в плане борьбы за страну. Потому что в маленьком Горбачёве заложен большой потенциал разрушителя: ничего другого он делать не умеет. Это его умение, помноженное на его небольшевистские взгляды – бомба огромной разрушительной силы. А, если ещё к этому делу подключатся «товарищи из Вашингтонского обкома»?!

Огарков, молча выслушивавший «приговор» Романова, на последних словах встрепнулся.

– Ты и в самом деле полагаешь, что...

– «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!» – усмехнулся Романов. – И это я ещё сделал комплимент Горбачёву: этот тип – явно не «бином Ньютона»! Конечно, я не берусь утверждать, что он – «платный агент империализма». Но то, что он – агент, пусть и «внештатный», «платного агента империализма» – несомненно! Этот хрен даже опасней платного агента! Тот хоть работает «в объёме гонорара». А этого помани слюнявой конфеткой, погладь по головке – и он расшибётся в лепёшку... чтобы расшибить в лепёшку партию и страну!

Романов неожиданно рассмеялся.

– Чему? – «не включился» Огарков: слишком резкий переход.

– Да, понимаешь, вспомнил сказку: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!». Так, вот, в нашем случае, ничем русским и советским от Горбачёва и не пахнет. Я чую за версту запах гнилого...

– Капитализма?

– Нет: «коммуниста» Горбачёва!

– А почему другие этого не чувствуют?

Романов моментально потух: вопрос бил наотмашь, под дых и в челюсть. Григорий Васильевич обречённо уронил плечи, руки и всё остальное, что только можно было уронить не на пол.

– Чёрт его знает, Николай Васильевич... Сам не пойму... Ведь Горбачёв «понятен насквозь»! Ничего сложного в нём нет, кроме написанных спичрайтерами мудрёных фраз. Никаких собственных идей, никаких собственных мозгов: всё – «от дяди»! И, поди ж, ты: «заколачивает Мике баки»! Народ «покупается тоннами»! Или это – оттого, что хочет «покупаться»?!

– «Ах, обмануть меня нетрудно – я сам обманываться рад»?

Романов благодарно улыбнулся Огаркову: маршал в очередной раз демонстрировал свой явно не среднестатистический уровень. Две военные академии не помешали ему «образоваться» гражданским интеллигентом.

По этой причине Николай Васильевич резко выделялся из общей массы носителей погон с большими звёздами не только интеллектом, но и «лица необщим выраженьем».

– Именно так, дорогой Николай Васильевич. Болтовню этого демагога масса – в том числе, и партийная – по ошибке принимает «за глоток свежего воздуха». Свою ошибку она поймёт традиционно поздно – когда наглотаётся и задохнётся... «свежим воздухом».

– Ты хочешь сказать, что у него есть план ликвидации партии и развала страны?!

Романов даже не стал задумываться.

– Плана у него нет. Но у него есть идея-фикс! То есть, навязчивая идея. А план есть у заказчика из Вашингтона.

Челюсть Огаркова поехала вниз.

– Извини, что «опять за рыбу – деньги», но неужели ты и в самом деле думаешь, что Горбачёв – это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.